798
Кол
Тип

ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ РУССКОЙ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ 1901—1902 ГГ.

Священника Н. А. Колосова.

PV
798
Кол
Тип

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1903.

1К

ЕЛИЗ-БЕМЪ
N.
ШК. ССIII П. 5/13

Кол
Тур

2 81
37

ТИПЫ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ РУССКОЙ СВѢТСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ 1901—1902 ГГ.

Жизнь русскаго православнаго духовенства вообще, его бытъ, типы его, крупные и мелкіе, сцены и случаи изъ его жизни — неоднократно изображались и изображаются въ нашей свѣтской литературѣ. Но несомнѣнно, что наиболѣе правдивое, безпристрастное и даже художественное изображеніе ея даютъ лишь тѣ писатели, которые сами вышли изъ среды духовенства [1]).

Превосходный типъ священника, отца Лукьяна, выведенъ г. Елпатьевскимъ въ его «Разсказахъ о прошломъ» (*Русская Мысль* 1901 г.).

Читатель знакомится съ отцомъ Лукьяномъ — «дѣдушкой», какъ называетъ его авторъ «Разсказовъ» — уже когда онъ на покоѣ. Дѣдушка живетъ вмѣстѣ съ своей женой («бабушкой») у своего сына, сельскаго дьякона, и занимается пчеловодствомъ.

---

[1]) Между прочимъ этимъ послѣднимъ совершенно чуждъ антихудожественный пріемъ, очень часто встрѣчающійся у свѣтскихъ писателей, разъ они заговариваютъ о духовенствѣ. Каждое выводимое ими духовное лицо непремѣнно говоритъ церковно-славянскимъ языкомъ. „Понеже“, „убо“, „абіе“, „се“, „сей“ и т. п. и цѣлые тексты изъ Священнаго Писанія такъ и пестрятъ рѣчь духовныхъ лицъ, выводимыхъ свѣтскими писателями. Дурного въ употребленіи такихъ словъ, разумѣется, ничего нѣтъ, но дѣло въ томъ, что этого въ дѣйствительности почти не бываетъ.

Вотъ какъ описываетъ его авторъ разсказовъ—отъ лица его внука Степы, сына дьякона Тимоѳея, у котораго живетъ дѣдушка.

«Дѣдушка—самый веселый человѣкъ въ нашемъ домѣ. Если было холодно, если большіе ссорились, если дождь нарушалъ обычную программу дня—самое превосходное дѣло было идти къ нему въ пчельникъ.

Хорошо было у дѣдушки. Пчельникъ низенькій, старый-престарый, словно грибъ, наклонился въ одну сторону. Ивы надъ нимъ росли огромныя, съ старыми вороньими гнѣздами. Сзади огороды—бабье занятіе, а передъ пчельникомъ все царство дѣдушкино.

На порогѣ дѣдушка, маленькій, съ рѣденькой сѣденькой бородкой клинушкомъ, съ живыми веселыми глазками, въ бѣлой холщевой рубашкѣ, подпоясанной поясочкомъ, къ которому привязанъ ключикъ отъ укладки. На лысой головѣ старенькая порыжѣлая скуфейка, изъ-подъ которой выбиваются желтовато-сѣденькіе завитки волосъ».

Но не однимъ пчеловодствомъ занимается дѣдушка. Часто приходили къ нему крестьяне, очень его почитавшіе, за совѣтомъ, съ своими заботами и докуками. А еще больше приводили къ нему бѣсноватыхъ и порченыхъ. Его «знала вся округа, и всѣмъ было извѣстно, что *это* дано ему. Случалось, что одержимыхъ везли къ нему за тридцать и за сорокъ верстъ и даже изъ другихъ уѣздовъ.

«Все больше бабы были... Угонятъ мужа въ солдаты, ребеночекъ помретъ, особенно если первенькій, молоко бросится въ голову, а то и просто лихой человѣкъ по злобѣ напуститъ, и вселится въ бабу бѣсъ и кричитъ изъ нея дикими голосами, уговариваетъ въ прорубь броситься, либо вожжи мертвой петлей вокругъ шеи затянуть, а иной разъ и ножъ въ руку суетъ».

Приведутъ такую порченую къ дѣдушкѣ. «Дверь въ горницу къ дѣдушкѣ затворяется, а мы собираемся въ кухнѣ и не дышимъ, слушаемъ, нѣтъ-нѣтъ и въ щелку заглянемъ.

«Идетъ баба въ горницу, упирается, двое-трое ведутъ, иной разъ волокомъ тащатъ. Накроетъ дѣдушка эпитрахилью бабу, положитъ ей на голову свою руку и начнетъ молитвы читать своимъ дрожащимъ, трогательнымъ голосомъ... Бьется баба подъ эпитрахилью, кричитъ источнымъ голосомъ, а дѣдушка все читаетъ молитвы, все мягче и ласковѣе. Станетъ баба затихать понемножку, прошибетъ ее слеза, и примется она плакать горько-горько, а потомъ и въ свое чувство придетъ.

«Очень намъ жалко бываетъ послѣ этого дѣдушку. Трудно ему бороться съ бѣсомъ, идетъ онъ изъ горницы по саду, пошатывается, голова въ скуфейкѣ качается, весь онъ ослабѣетъ и придетъ въ пчельникъ — сейчасъ же спать ляжетъ. И тутъ ужъ мы его не тревожимъ.

«Далеко шла слава о дѣдушкѣ. Привозили къ нему и мужиковъ, которые по десяти лѣтъ на цѣпи прикованные сидѣли, и ребятъ малыхъ, которыхъ на новый мѣсяцъ корежило, но больше всего бабъ одержимыхъ было, и больше ихъ вылѣчивалъ дѣдушка».

Дѣдушка—другъ дѣтей, которые какъ-то и не считаютъ его за взрослаго. Съ ними онъ готовъ проводить цѣлые дни, съ ними всегда веселъ, шутитъ, разсказываетъ сказки, а иногда и исторію объ Іосифѣ Прекрасномъ и про старыя времена, разбираетъ ихъ ссоры, заступается за нихъ предъ взрослыми, покупаетъ имъ баранки и ситцу на платья. Впрочемъ, и всюду онъ вноситъ съ собою миръ и веселье. Придетъ онъ съ пчельника домой, и всѣмъ какъ-то веселѣе станетъ. Велитъ самоваръ поставить, за чаемъ шутки шутитъ, и всѣ смѣются. Онъ защищаетъ сноху отъ крутого нрава своей старухи-жены («бабушки») и миритъ домашнія ссоры. И хотя онъ весь день проводитъ въ саду и на пчельникѣ и въ дѣла взрослыхъ мало вмѣшивается,—когда онъ умираетъ, въ домѣ и въ семьѣ сразу становится пусто, и пустота эта остается навсегда незаполнимой.

И для могилы выбралъ онъ себѣ мѣсто «рядомъ съ дѣт-

скими могилками съ краю у самой ограды, куда солнце свѣтило, откуда поле широкое видно».

«Кажется—вспоминаетъ авторъ разсказовъ—никогда не видѣло наше село такого множества народа, какъ на похоронахъ дѣдушки. Съѣхались священники и родня, собравшійся со всей округи народъ не могъ помѣститься въ церкви и наполнилъ ограду и густой толпой стоялъ передъ папертью. Когда показался гробъ изъ церкви, много народу пало на колѣни, а бабы плакали.

А потомъ прошелъ по селу слухъ—бабушка Спиридониха сама видѣла — когда дѣдушку въ могилу опускали, взвился бѣлый голубь надъ кладбищемъ и пропалъ... И на дѣдушкину могилу стали возить одержимыхъ и служить панихиды...

А на селѣ долго вспоминали о дѣдушкѣ, и много разсказовъ приходилось мнѣ слышать. Одинъ изъ нихъ особенно живо сохранился въ моей памяти.

— И страшенъ былъ годъ! Дѣды и прадѣды не запомнятъ...—разсказывалъ автору мужикъ Антонъ.—Страшный годъ у всѣхъ былъ въ памяти, и мнѣ часто приходилось слышать про него.

— Давно было, еще отецъ твой въ семинаріи учился. Снѣга зимой были мелкіе, весною рѣки чуть разлились. И пошли тутъ жары, да сушмень,—ни дождичка, ни росъ. Попрыскало какъ-то разъ за весну, и все тутъ.

Трава посохла, деревья словно варомъ сварило, да еще червь напалъ, — остатки доѣлъ вчистую; рѣки высыхать стали, у насъ только въ одномъ бочагѣ и осталась, рыба дохла. Поганое болото и то пересохло,—лѣтомъ пѣшкомъ скрозь ходили. Ни ягоды, ни гриба; на поля не глядѣлъ бы, — по округѣ рожь на кормъ скоту косить стали. А тутъ лѣсъ горѣть зачалъ, солнышка не видать, застлало дымомъ, дышать тяжко. Пошла по народу смута, странники сказанія сказывали...

И надумали мы всѣмъ приходомъ иконы поднять, молебствіе съ водосвятіемъ на поляхъ сдѣлать. Къ дѣдушкѣ твоему. А онъ и говоритъ:

— Дѣло, говоритъ, православные, это хорошее, только съ чистыми душами подходить надо. Давайте, говоритъ, исповѣдуемся всѣ, да причастимся сперва. Такъ и сдѣлали; велѣлъ онъ наканунѣ вымыться и бѣлыя рубахи надѣть; исповѣдались всѣ, — и самъ онъ у сосѣдняго священника исповѣдался, — а на другой день и причастилъ всѣхъ за обѣдней. Подняли иконы послѣ службы, и тронулось все село въ поля... Какъ-то дымъ прошелъ маленько, небо ясное, ни облачка, солнышко жаркое печетъ, тишь кругомъ, кажется, всякое слово, что̀ дѣдушка твой служилъ, далеко слышно было. А я чашу несъ, рядомъ съ дѣдушкой стоялъ... Только сталъ онъ крестомъ воду крестить, смотрю я — что̀-то на руку мнѣ капнуло. Поглядѣлъ на небо—чисто кругомъ; ну, думаю, изъ чаши плеснуло. А потомъ вдругорядь въ самую маковку угодило, и еще разъ и еще... Смотрю я на народъ, — дрогнули православные, а капли шлепаются словно по орѣху, пыль поднимаютъ, слышно, какъ объ каменную-то землю стучатъ.

Палъ тутъ народъ на колѣни, и завопили всѣ — и мужики, и бабы, и дѣти малыя. А дождикъ все шибче да шибче. Дѣдушка твой тоже на колѣни палъ; крестъ-то въ рукахъ, а молитву читать не можетъ, самъ въ три ручья плачетъ. Старикъ Каллистратъ—пономарь живъ еще былъ, рядомъ со мною стоялъ — тоже реветъ, лбомъ въ землю тычется.

Недолго въ ту пору дождикъ шелъ, пересталъ. Двинулись домой, отошли, можетъ, съ полверсты, и поднялась тутъ съ солнечнаго восхода туча—сила черная, страшная, полнеба обняла, солнышко закрыла, темно стало на землѣ, какъ ночью, и пошелъ тутъ дождь.

И пошелъ тутъ, братецъ ты мой, до-ожды!.. А народъ въ избы идти не хочетъ,—такъ посередь села супротивъ церкви сгрудились, какъ овцы, и стоятъ. А дождикъ-то поливаетъ!.. А дождикъ-то поливаетъ!..

Да, была благодать Божія!.. рѣки вздулись, словно въ половодье, напоилъ Господь землю досыта. Травка выгля-

нула, деревья повеселѣли, пожары прикончились, грибъ пошелъ всякій. Рожь чуть поправилась, — опоздали мы маненько иконы-то поднять, только на сѣмена и собрали. Зато овсы налились стѣна-стѣной, гречиха, горохъ, рѣпа, огородина всякая—на рѣдкость! Только нашимъ приходомъ и прошла туча, да еще изъ сосѣдняго прихода маленько попользовались.

Ахъ, и страшный годъ былъ! Что̀ нищихъ-то было! Такъ деревнями и ходили. Ребята малые чуть плетутся, бывало, старики, которые постарше, помирать стали... И со всей округи—къ намъ; только и слышишь, бывало, цѣлый день: «батюшки матушки милостыньку Христа ра ади!»

Вся округа въ ту пору за батюшку-то, за отца-то Лукьяна, молилась. Спасибо и тутъ надоумилъ. Какъ убрались съ хлѣбомъ, собралъ онъ сходъ и говоритъ міру:

— Такъ и такъ, православные, явилъ намъ Господь Богъ милость великую, — никому не въ примѣръ... Надо, говоритъ, Его благодарить или нѣтъ?

Извѣстно міръ:

— Какъ не благодарить!

Ну, и говоритъ потомъ:

— Ежели бы не Его особливая милость, были бы вы теперь сыты, али ходили бы съ сумой по окошкамъ стучаться, какъ другіе прочіе?

— Извѣстно какъ прочіе,—говоритъ міръ.

— Какъ вы, значитъ, теперь насчетъ своего хлѣба понимаете? Вы его заработали, али Богъ вамъ далъ?

— Понимаешь, — замѣтилъ Антонъ, — какую линію-то онъ велъ?

— Божій хлѣбъ нонѣшній,—заговорилъ народъ,—Божій!

— А коли, говоритъ, Божій, такъ и продавать его нельзя,—на Божьи дѣла и идти долженъ.

Тутъ же міромъ и порѣшили, — у кого старые скирды есть, или, къ примѣру, въ амбарахъ отъ прежнихъ годовъ осталось,—тотъ воленъ продавать, а что̀ въ это лѣто уродилось, на полушку продавать заказано.

Никому отказу не было. Можно сказать, вся округа отъ насъ кормилась,—и овесъ, и гречиху, и ячмень—все на муку смололи, хлѣбомъ раздавали, лепешки пекли. А самъ дѣдушка-то твой и старое, и новое—большіе у васъ отъ прежнихъ годовъ скирды стояли—все пустилъ онъ по православнымъ. Точила ужъ его бабушка-то твоя—ничего сдѣлать не могла. А глядя на него, кое-кто изъ крестьянъ, кто подобрѣе да посправнѣе былъ, тоже старые запасы перемололи, да по православнымъ пустили.

И сыты были,—закончилъ Антонъ,—и деньгу зашибли, потому все-таки старое распродали, а цѣны стояли — не приведи Господи! Вотъ онъ какой человѣкъ, дѣдушка-то твой! Будетъ теперь заступникъ и у насъ предъ престоломъ Божіимъ!»

Въ разсказѣ г. Проходцева «Слово» (*Русское Обозрѣніе* 1901 г.) выведенъ сельскій священникъ, о. Яковъ, силою своего пастырскаго слова образумившій и исправившій забубеннаго пьяницу и озорника солдата Гаврилу.

Отецъ Яковъ — «сѣденькій, лысый старичекъ, съ большою бородою на добродушномъ лицѣ. Во время хожденія по приходу онъ приходитъ между прочимъ и въ избу Гаврилы. Гаврила, семейный уже мужикъ, прежде былъ тихимъ, степеннымъ парнемъ, но, побывавъ въ солдатахъ, сталъ неузнаваемъ, — превратился въ пьянаго и буйнаго озорника и буяна. Когда отецъ Яковъ приходитъ къ нему въ избу со святынею, онъ, будучи сильно пьянъ, начинаетъ всячески издѣваться надъ нимъ и поносить его, а когда тотъ, истративъ весь запасъ увѣщаній и убѣжденій, хочетъ удалиться изъ избы, Гаврила, схвативъ его за плечи, валитъ на полъ и начинаетъ колотить изо всей мочи. Прибѣжавшій урядникъ съ мужиками освождаетъ сильно помятаго о. Якова отъ кулаковъ осатанѣвшаго Гаврилы. Отца Якова увозятъ домой, урядникъ составляетъ протоколъ, и Гаврилу ожидаетъ судъ и, можетъ быть, острогъ. Но Гаврила, и протрезвившись, не думаетъ ни

раскаиваться, ни попросить прощенія у батюшки, а, напротивъ, рѣшаетъ—если попадетъ въ острогъ, «спалить» потомъ все село».

Между тѣмъ отецъ Яковъ, нѣсколько оправившись отъ побоевъ, начинаетъ жалѣть Гаврилу и думаетъ опять попробовать усовѣстить его. «Въ головѣ о. Якова копошились одна за другой мысли о томъ, какъ онъ возвратитъ своего духовнаго сына на путь истины; какъ въ возмездіе нанесенной ему обиды нужно поступить такъ, чтобы этотъ поступокъ послужилъ Гаврилѣ мѣрою исправленія, средствомъ исправленія. Да не погибнетъ и единъ отъ малыхъ сихъ.

Я уже старикъ, думалъ онъ, жизнь прожилъ безъ жалобъ и кляузъ, со всѣми въ мирѣ, согласіи и душевномъ спокойствіи. Не стоитъ на старости лѣтъ заводить судебныхъ дѣлъ! Господь съ нимъ. Лучше милость, чѣмъ судъ. Судъ безъ милости не сотворшему милости. Что толку, рѣшалъ батюшка,—если въ самомъ дѣлѣ его, какъ говоритъ урядникъ, осудятъ, посадятъ въ тюрьму. Гаврила острожникомъ будетъ... совсѣмъ пропадетъ... И я лишусь одного пасомаго, за котораго долженъ буду дать отвѣтъ на Страшномъ судилищѣ Христовомъ.

Онъ пропадетъ... А у него семейство, старые да малые.

Добрымъ словомъ постараюсь его довести до сознанія своей виновности. Я отецъ его духовный, пастырь. А эти бумаги да всякія судбища — Господь съ ними!.. Пользы мнѣ отъ этого не будетъ, а человѣка для міра житейскаго погубишь, изъ міра сего отринешь. Лучше я перенесу, потерплю... А онъ, Гавріилъ, видя мое великодушіе, усовѣстится, сознаетъ, исправится»...

Придя къ такому благому рѣшенію, о. Яковъ начинаетъ усердно просить урядника не давать хода дѣлу. Тотъ—неохотно и съ неудовольствіемъ—но все же соглашается. Дня черезъ три, увидавъ Гаврилу на улицѣ, трезваго, отецъ Яковъ останавливаетъ его и начинаетъ ласково и кротко увѣщевать его и даже самъ проситъ у него прощенія:

— «Знать, я сильно обидѣлъ тебя какъ-нибудь, что ты возненавидѣлъ и оскорбилъ меня. Прости, прости!»

Нехотя останавливается Гаврила, нехотя слушаетъ батюшку и въ отвѣтъ роняетъ ему лишь нѣсколько злобныхъ и дерзкихъ словъ. Наконецъ, поворачивается, чтобы уйти; но такъ какъ отецъ Яковъ заступилъ ему дорогу,— сворачиваетъ на дорожку, ведущую къ рѣчкѣ. — «Образумься, Гавріилъ,—погибнешь»,—кричитъ ему вслѣдъ батюшка, но Гаврила, не слушая и не помня себя отъ злобы, быстро шагаетъ впередъ... Вдругъ онъ вздрогнулъ и очнулся. Онъ — на самомъ краю проруби и уже занесъ ногу, чтобы ступить туда.—«Образумься, — пропадешь»— слышитъ онъ голосъ и уже не понимаетъ, — совнѣ ли этотъ голосъ или въ немъ самомъ. Оглянулся, — «а за нимъ стоитъ, запыхавшись отъ усталости, батюшка, съ дѣтски-безпомощнымъ лицомъ, трясущимися губами и протянутой рукой, чтобы удержать его».

Опомнился, наконецъ, Гаврила, палъ предъ батюшкой на колѣна и заплакалъ. А на другой день въ церкви, предъ Крестомъ и Евангеліемъ и передъ всѣмъ народомъ, поклялся, что не будетъ уже болѣе такимъ, какимъ былъ,— и сдержалъ свою клятву. Гаврила—работящій, совершенно трезвый и степенный мужикъ, на котораго не нарадуется жена и старуха мать, а болѣе всѣхъ—уже престарѣлый и совсѣмъ ветхій отецъ Яковъ.

Подобный этому типъ сельскаго священника выведенъ въ разсказѣ г-жи Нелидовой «На ряску» (*Міръ Божій* ноябрь 1901 г.)—въ лицѣ отца Николая. Разсказъ переноситъ читателя въ вымирающее отъ голода и голоднаго тифа и цынги постигнутое неурожаемъ село Гусевку. Отецъ Николай глубоко страдаетъ, видя несчастіе своихъ прихожанъ, и обходитъ село, стараясь хоть чѣмъ-нибудь утѣшить и ободрить страждущихъ. Но вездѣ его смущаетъ одинъ и тотъ же вопросъ, настойчиво предлагаемый ему въ каждой избѣ:

— «А что, батюшка, — столовую-то откроютъ въ Гусевкѣ, али нѣтъ?

— «Не знаю,—смущенно отвѣчаетъ батюшка.

«Каждый день то тамъ, то тутъ преслѣдовали его этимъ вопросомъ, и онъ чувствовалъ себя какъ бы отвѣтственнымъ и даже виноватымъ въ томъ, что до сихъ поръ о Гусевкѣ никто не подумалъ и не позаботился».

Поздно ночью, въ окнахъ церковнаго дома свѣтился огонь. Маленькая жестяная лампочка коптѣла и скудно освѣщала комнату, распространяя запахъ керосина. Тихо было въ домѣ до жуткости.

Батюшка жилъ совсѣмъ одинъ. Жена его умерла три года назадъ отъ тифа, свирѣпствующаго здѣсь каждую зиму.

Давно уже скрипѣло перо по бумагѣ, нарушая тишину вмѣстѣ съ однообразнымъ стукомъ маятника старыхъ стѣнныхъ часовъ.

Отецъ Николай писалъ письмо за письмомъ.

Много разъ уже обращался онъ къ людямъ «власть имущимъ» и къ простымъ городскимъ знакомымъ съ всепокорнѣйшей и настоятельной просьбой помочь голодающему населенію, облегчить его все возрастающія страданія и не дать погибнуть старикамъ, молодымъ и дѣтямъ отъ голода и болѣзней. Кругомъ уже цѣлою сѣтью раскинулись столовые и питательные пункты, а Гусевка все еще не видала ни одного благотворителя. «Рука дающаго да не оскудѣетъ. Господь видитъ добро и воздастъ за него сторицею. Тяжело пастырю видѣть, какъ гибнетъ стадо его, и не быть въ состояніи помочь ему».

Лунный свѣтъ уже смѣнился блѣдною утреннею зарею, когда батюшка кончилъ и запечаталъ послѣднее письмо. Съ трудомъ разогнулъ онъ ноющую отъ усталости спину и взглянулъ въ окно утомленными глазами съ красными опухшими вѣками».

Приходятъ къ отцу Николаю и бабы съ жалобами на отбившуюся отъ рукъ молодежь. Отецъ Николай старается вразумить ее.

Наконецъ отчаянныя усилія отца Николая увѣнчались успѣхомъ. Въ Гусевкѣ открыли столовую и стали кормить голодающихъ. Острая нужда и болѣзни исчезли.

Въ еще болѣе удручающей обстановкѣ изображаетъ тоже молодого сельскаго священника, отца Власія, разсказъ г. Измайлова «Ночь» [1]).

Глухое, занесенное снѣгомъ, село. Темная декабрьская ночь. «Село спитъ, но не спитъ отецъ Власій. Блѣдный, утомленный нѣсколькими безъ сна проведенными ночами, онъ сидитъ у стола въ своей спальной, неподалеку отъ постели своей больной жены. Вырывающійся изъ-подъ абажура свѣтъ свѣчи падаетъ на его крупныя, почти мужицкія руки и освѣщаетъ склоненное надъ столомъ молодое, заросшее бородой лицо, отуманенное думой. Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ его подкарауливаетъ несчастіе,—у порога его дома стоитъ, жадно прислушиваясь, смерть, и жизнь борется съ недугомъ, то вспыхивая, то снова замирая, какъ этотъ огонекъ въ лампадкѣ, подъ нагорѣвшею свѣтильней. Отецъ Власій знаетъ, что недугъ побѣдитъ, и страшная гостья, можетъ быть, совсѣмъ уже скоро унесетъ съ собой милое существо, съ печальными кроткими глазами, которымъ до сихъ поръ была красна его сѣренькая будничная жизнь... Жена его умретъ. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣ случайно привязавшейся тяжелой болѣзни усилились ея сердечные припадки и участились перебои, и ему стало извѣстно о томъ, что страшный конецъ недалекъ, — эта мысль не выходитъ изъ его головы... Два врача, изучавшіе ея болѣзнь, посовѣтовали ему быть ко всему готовымъ. Организмъ надорванъ, сердце устало и проситъ покоя. Очевидно, ждать уже недолго»...

Съ минуты на минуту отецъ Власій ждетъ пріѣзда третьяго врача, извѣстнаго губернскаго доктора Мезен-

---

[1]) Измайловъ. „Черный воронъ“ и другіе разсказы. Первая книжка разсказовъ. Спб., 1901.

цева, своего школьнаго товарища и друга. Бывъ ранѣе у о. Власія, Мезенцевъ замѣтилъ и обратилъ вниманіе на ненадежное состояніе его жены, совѣтовалъ ему беречь ее и прибавилъ: «А когда будетъ во мнѣ надобность,— зови хоть въ Пасху. Стрѣлой прилечу». Мезенцеву послано отчаянное письмо и вслѣдъ за нимъ телеграмма. Теперь онъ долженъ скоро пріѣхать.

Кто-то подъѣхалъ. Это, конечно, Мезенцевъ. Въ сердцѣ отца Власія снова вспыхиваетъ надежда. Онъ спѣшитъ на встрѣчу пріѣзжему и... въ ужасѣ отступаетъ назадъ.. Это не Мезенцевъ, — это мужикъ пріѣхавшій за отцомъ Власіемъ за нѣсколько верстъ—звать его причастить его больного отца. И мужикъ-то, вдобавокъ, изъ чужого прихода. Тамошній священникъ уѣхалъ въ городъ.

«Страшная мысль осѣнила отца Власія. Да, конечно, такъ, и не можетъ быть иначе! Онъ пришелъ за нимъ, этотъ мужикъ, это олицетвореніе горя, оторвать его въ роковыя минуты отъ дома, отъ Маши... И ему надо ѣхать въ этотъ мракъ, въ непогоду, потому что это его долгъ... Странное озлобленіе вдругъ охватило его душу. Всѣ на него!.. Онъ невольно схватился за голову»...

Не ѣхать?.. А совѣсть, а долгъ пастырскій, а отвѣтственность за душу христіанскую, а мольбы и просьбы мужика, наконецъ...

Ѣдетъ отецъ Власій съ дароносицей въ неблизкій путь и грезитъ въ полудремотѣ. Безконечною кажется дорога. Но вотъ, наконецъ, подъѣзжаетъ онъ къ своему дому. «Подобравъ одною рукою передъ рясы, другою придерживая на груди дароносицу, онъ почти бѣжитъ въ свой дворъ... Вотъ отворяется дворъ его кухни. На порогѣ появляется сторожъ Евтихъ. Вѣтеръ треплетъ пламя его свѣчи... Боже, неужели умерла?

И не своимъ, страннымъ голосомъ о. Власій спрашиваетъ, поднимаясь на первую ступеньку:

— Что, Евтихъ?.. Неужели умерла?..

— Божья воля, отецъ Власій...

Голова Евтиха склоняется. Лѣвая, свободная рука подпимается къ глазу. Пылаетъ и плыветъ свѣча... Кругомъ тьма и ночь»...

Въ разсказѣ г. Мамина-Сибиряка «Ранній батюшка» («Журналъ для всѣхъ» 1902 г. январь) изображенъ ранній священникъ одной изъ находящихся въ центральной части Москвы церквей,—отецъ Иванъ Августовъ. Отецъ Иванъ—уже вышедшій за штатъ по преклонности лѣтъ сельскій батюшка изъ рязанской епархіи. Въ Москвѣ онъ временно,—служитъ за своего племянника, уѣхавшаго на лѣто на Кавказъ. Отецъ Иванъ — смиренный и добродушный старецъ, «въ старомъ старомъ подрясникѣ съ заплатами на локтяхъ и выцвѣтшей люстриной рясѣ, совсѣмъ порыжевшей по оплечью, и разношенной, широкополой, настоящей поповской шляпѣ и деревенской работы тяжелыхъ сапогахъ».

«Въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ о. Иванъ «вызналъ» Москву, и чѣмъ дальше подвигалось это знаніе, тѣмъ страшнѣе ему дѣлалось. Господи, какъ странно живутъ люди!.. По обязанностямъ священника ему приходилось посѣщать и барскія палаты, и купеческія хоромины, а главнымъ образомъ, конечно, подвалы и чердаки, гдѣ ютилась столичная бѣдность, и гдѣ его духовная помощь была особенно нужна. Много онъ насмотрѣлся на своемъ вѣку на деревенскую бѣдность, но это было не то. Тамъ, въ деревнѣ, оставалась какая-нибудь надежда впереди, а здѣсь не было даже завтрашняго дня. Каждый громадный московскій домъ начиналъ казаться о. Ивану каменнымъ чудовищемъ, которое давило эту подвальную бѣдность своими богатыми этажами. Какія слезы онъ видѣлъ, какое горе, какую безысходную нужду! И это въ каждомъ домѣ, на каждой улицѣ... А больше всего старика удивляло то, что богатые люди относились къ окружавшей ихъ бѣдности совершенно безучастно... Онъ какъ-то переставалъ по-

нимать многое, что творилось у него предъ глазами, и даже началъ сомнѣваться въ томъ, правильно ли идутъ его собственныя мысли...

По своей службѣ отецъ Иванъ познакомился съ другими ранними батюшками, которые служили, какъ и онъ, ранніе обѣдни. Все это были сельскіе священники изъ смежныхъ губерній, выслужившіе свой пенсіонный срокъ, и большинство изъ нихъ—бобыли. Сельскія матушки перемерли, оперившіеся поповичи и поповны разлетѣлись въ разныя стороны, старыя гнѣзда опустѣли... Приходилось кормиться въ Москвѣ. Всѣ эти ранніе батюшки походили одинъ на другого, какъ монеты одного чекана, и всѣ даже одѣвались одинаково, — тѣ же выцвѣтшія люстриновыя ряски, тѣ же подрясники съ заплатами, тѣ же деревенской работы тяжелые сапоги. Въ общемъ, выражаясь техническимъ языкомъ, это былъ отработанный паръ сельскаго священства, добре потрудившійся на родныхъ нивахъ и словомъ, и дѣломъ.

Ранніе батюшки, встрѣчаясь, любили поговорить и вспомнить старинку. «А вотъ у насъ въ Тульской губерніи были приходы—умирать не надо!» — «А наша Калужская губернія плохая» и т. д. Старики вспоминали свои покинутыя гнѣзда, вздыхали и подолгу говорили о томъ, какъ будутъ люди послѣ нихъ жить. Квартиры—приступу нѣтъ; дрова—не подходи, харчъ — страшно и подумать, за все подавай круглую копеечку, да все купи. По деревнямъ и то вездѣ смута идетъ»...

Отецъ Иванъ однако недолго остается въ Москвѣ. У него здѣсь сынъ—знаменитый дѣлецъ, женившійся на богатой аристократкѣ и живущій на роскошной квартирѣ. Въ данное время онъ за границей, и о. Иванъ все время живетъ мыслію о свиданіи съ нимъ. Наконецъ, онъ пріѣзжаетъ, отецъ Иванъ немедленно отправляется къ нему, но сынъ не велитъ его даже принимать. Съ горемъ и слезами отецъ Иванъ на другой же день уѣзжаетъ изъ Москвы въ свою рязанскую губернію — умирать.»

Ранніе священники—типъ въ Москвѣ и вообще въ городѣ—до недавняго времени довольно обычный. Но только они совсѣмъ не такъ многочисленны, не такъ ветхи, не такъ убоги, какъ изображаетъ это нашъ авторъ. О другомъ священникѣ, выведенномъ въ этомъ же разсказѣ—о. Георгіѣ—и вообще о нѣкоторыхъ преувеличенностяхъ и невѣрностяхъ въ этомъ разсказѣ—скажемъ ниже.

Къ числу положительныхъ и притомъ наиболѣе симпатичныхъ типовъ духовенства нужно отнести типъ священника, выведенный въ разсказѣ покойнаго Соловьева-Несмѣлова «Будетъ и преизбудетъ», помѣщенномъ въ сборникѣ въ честь Д. И. Тихомирова «На трудовомъ пути» (Москва, 1902 г.).

Въ бѣдномъ поволжскомъ селѣ священствуетъ о. Михаилъ, немолодой уже и многосемейный человѣкъ. Отецъ Михаилъ—человѣкъ въ высшей степени благодушный и кроткій. Онъ доволенъ своимъ мѣстомъ, благодушно переноситъ нужду и постоянные недостатки, усердно трудится на пользу своихъ прихожанъ, которые въ немъ души не чаютъ, и, не покладая рукъ, работаетъ. Всегда онъ за дѣломъ, всегда доволенъ и благодушенъ и за работою всегда поетъ духовные каноны. Радуютъ его и дѣти, изъ которыхъ старшіе уже учатся и учатся очень хорошо и отличаются добрымъ нравомъ. Напротивъ, матушка—жена его—часто жалуется на бѣдность, такъ что отцу Михаилу приходится ее уговаривать и успокаивать. Любимое его выраженіе: «будетъ и преизбудетъ».

— «Печалится она у насъ,—говоритъ онъ о женѣ,—о какой-то нуждѣ говоритъ; гдѣ же эта нужда? Не вижу я. Вѣдь у насъ все, что̀ нужно намъ, есть, будетъ и преизбудетъ.... Въ четвергъ думаетъ о субботѣ, а суббота-то еще не пришла; придетъ эта суббота, и будетъ все, что̀ быть должно въ субботу».

При всей своей бѣдности отецъ Михаилъ нерѣдко помогаетъ, тайкомъ отъ матушки, бѣднымъ прихожанамъ. Благодаря его усердному и неустанному труду, у него

прекрасно родятся овощи, и хозяйство въ рѣдкой исправности; крайняя экономія и донельзя ограниченныя потребности даютъ ему возможность не чувствовать большой нужды.

Вмѣстѣ съ о. Михаиломъ живетъ отецъ его, заштатный діаконъ, «дѣдушка Платонъ», старикъ уже почти восьмидесяти лѣтъ, но еще бодрый, — такой же кроткій, благодушный и безкорыстный, какъ и отецъ Михаилъ. Старикъ самъ устроилъ себѣ на огородѣ избушку, въ которой и живетъ. Несмотря на свою старость, онъ совсѣмъ не сидитъ безъ дѣла: служитъ, гдѣ позовутъ, читаетъ псалтирь по покойникамъ, чинитъ деревянную посуду и что заработаетъ раскладываетъ по очереди въ семь сдѣланныхъ имъ копилокъ, по числу семерыхъ внуковъ, дѣтей отца Михаила; въ свободное же время читаетъ псалмы и поетъ.

Неожиданно Богъ посылаетъ отцу Михаилу искушеніе. Черезъ его село проѣзжаетъ съ своимъ управляющимъ въ свое помѣстье богатый помѣщикъ и заслуженный генералъ, князь Голицынъ. Князь еще по дорогѣ слышалъ много хорошаго объ отцѣ Михаилѣ и заѣзжаетъ къ нему переночевать. Въ ожиданіи ужина и на другой день утромъ онъ съ управляющимъ осматриваетъ церковь и хозяйство о. Михаила и все находитъ въ образцовомъ видѣ. Бесѣда съ самимъ о. Михаиломъ, его отцомъ и мальчиками еще болѣе располагаетъ къ нимъ князя, и у него является мысль перевести о. Михаила къ себѣ въ село, на мѣсто одного изъ двухъ служащихъ тамъ священниковъ, которые хотя, по милости князя, живутъ хорошо и даже почти богато, но часто ссорятся и жалуются другъ на друга. Не долго думая князь объявляетъ объ этомъ отцу Михаилу.

Матушка отъ радости едва вѣритъ своимъ ушамъ, но отца Михаила это неожиданное предложеніе приводитъ въ сильное смущеніе. Положимъ, въ новомъ приходѣ должно быть очень хорошо, но какъ бросить приходъ, хозяйство

и итти на чужое, еще занятое мѣсто. Подумавъ, онъ отвѣчаетъ князю:

— «Премного благодаренъ, ваше сіятельство. Чувствую, что въ матеріальномъ отношеніи семьѣ моей будетъ тамъ хорошо; но смущается духъ мой, что для этихъ матеріальныхъ благъ брошу я прихожанъ моихъ. Вѣдь большинство ихъ мною крещены, подросли на моихъ глазахъ, бѣгая вотъ на этихъ улицахъ, мною вѣнчаны, и стариковъ, которыхъ теперь уже много, я захватилъ подростками, иныхъ вѣнчалъ, а сколько напутствовалъ въ иную жизнь и проводилъ на погостъ;—все это надо оставить, и знаю, всѣ будутъ огорчены и въ правѣ могутъ сказать: нашъ нестяжательный батюшка пошелъ искать стяжаній и лишнихъ прибытковъ. Мы дѣлились съ нимъ послѣднимъ, любя его, и онъ не оправдалъ нашу любовь. Смущается сердце мое, ваше сіятельство... И обжился уже я тутъ: всякій колышекъ вбитъ здѣсь нашими руками, каждое деревцо, каждый кустикъ насажены мною и моими дѣтками».

Князь проситъ отца Михаила подумать, говоря, что не теряетъ надежды, и уѣзжаетъ, щедро заплативъ за гостепріимство. Послѣднее обстоятельство нѣсколько смущаетъ отца Михаила:

— «Ну вотъ,—говоритъ онъ женѣ,—сокрушалась ты о томъ, что будетъ въ субботу, — анъ вышло такъ все на дѣлѣ-то,—раньше субботы явилось».

Дѣдушка Платонъ тоже очень понравился князю, который предложилъ даже исходатайствовать ему, за выслугу лѣтъ, производство въ священники, но старикъ отказывается, говоря, что недостоинъ этого званія.

— «Вы, о. дьяконъ, непобѣдимы,—сказалъ ему князь,—вы дошли до того, до чего рѣдко кто доходитъ, и такъ сократили свои желанія, свои потребности, что самый малый кусокъ хлѣба и все остальное малое для васъ является уже тѣмъ, что вы называете — *преизбудетъ*... Вы вонъ и смерть пугаете вашимъ вѣчнымъ, неустаннымъ трудомъ, да и самый трудъ вы не считаете трудомъ,

Васъ слѣдовало бы показывать, какъ рѣдкое явленіе среди людей»...

Съ отъѣздомъ князя, миръ на нѣкоторое время исчезаетъ изъ домика отца Михаила. Матушка отъ мысли, что отецъ Михаилъ можетъ отказаться отъ предложеннаго ему княземъ мѣста, совсѣмъ осунулась и похудѣла. Отецъ Михаилъ, въ борьбѣ съ самимъ собою, и ища, какъ онъ говорилъ Платону, «окрѣпленія духа», потерялъ свое обычное благодушіе и уже не пѣлъ; работа валилась у него изъ рукъ, и онъ надолго уходилъ изъ дому. Дѣдушка Платонъ, вполнѣ сочувствовавшій сыну въ его нежеланіи уходить на другое мѣсто, молчалъ, ожидая побѣды въ душѣ сына надъ соблазномъ и вполнѣ увѣренный въ этой побѣдѣ. Въ селѣ между тѣмъ всѣ уже знали, что батюшку зовутъ въ новый богатый приходъ. Старики и старухи нерѣдко подходили къ нему и слезливо спрашивали: «неужели ты насъ, батюшка, покинешь?» — и слышали одинъ отвѣтъ: «что вы, что вы, маловѣрные, зачѣмъ я васъ покину?»—«То-то, радѣльщикъ, не покидай ужъ, сиротами мы безъ тебя останемся».

Прошло нѣсколько дней. Отецъ Михаилъ «спалъ крѣпко на своемъ жесткомъ диванѣ въ маленькомъ кабинетикѣ и вдругъ, видимо охваченный какимъ-то необычайнымъ видѣніемъ во снѣ, сильно завозился и заговорилъ шопотомъ:

— «Нѣтъ, угодникъ Божій, твоего храма не оставлю... и какъ-то, разомъ поднялся и сѣлъ на диванѣ, удивленно озираясь кругомъ и крестясь.

Въ это время луна тихо выплыла изъ набѣжавшихъ облаковъ, и ея мягкій фосфорическій свѣтъ скользнулъ черезъ окно по кабинету и тутъ же исчезъ. Отцу Михаилу показалось, что какая-то тѣнь медленно-медленно ступила и пропала въ переднемъ углу. Гдѣ-то ясно въ ночи скрипнуло что-то, словно отворилась и затворилась дверь. Отецъ Михаилъ все озирался кругомъ.

— Неужели въ этомъ видѣніи былъ онъ... угодникъ Антоній?—опуская голову, говорилъ самъ съ собою отецъ

Михаилъ.—Да, его ликъ, какъ изображенъ онъ на иконѣ, добрый взоръ и мягкій, ласковый голосъ: «не уходи, служи при моемъ храмѣ!» — и трижды повторилъ: «не уходи», какъ будто вотъ и теперь это слышу,—и о. Михаилъ протяжно и внятно прошепталъ: — «не уходи, не уходи, не уходи!» — и сталъ озираться, какъ будто онъ слышалъ эти звуки, доходившіе до него откуда-то со стороны.

Онъ всталъ, перекрестился, одѣлся и пошелъ въ огородъ; на сердцѣ его было легко и какъ-то радостно, словно свѣтлый день пришелъ, или какъ бываетъ съ выздоровѣвшимъ отъ тяжкой болѣзни, когда человѣку отъ всего радостно, и онъ начинаетъ чувствовать въ себѣ приливъ небывалыхъ силъ».

Стало разсвѣтать. Изъ своей избушки вышелъ дѣдушка Платонъ и, увидавъ сына, по его улыбающемуся, добродушному лицу, безъ словъ понялъ, что окрылился духъ его и побѣдилъ искушеніе. Радостно обнялъ онъ сына и сказалъ:

— «То-то! все слава Богу. Помни старинный завѣтъ родителей нашихъ: держись, птица, за сучекъ, на коемъ гнѣздо свила; малъ сучекъ да обсиженъ — крѣпче большого дерева — и твой онъ, и на немъ у тебя все будетъ и преизбудетъ, а сядешь и на большущее дерево, да все врозь пойдетъ!..

Не прошло и получаса, какъ отецъ Михаилъ поливалъ уже гряды въ огородѣ и побѣдно пѣлъ пасхальный канонъ.

Пастырь добрый и о. Никаноръ, городской священникъ, выведенный въ романѣ «Власть сердца». Отецъ Никаноръ— ветхій сѣденькій старичокъ, одиноко живущій въ маленькомъ церковномъ домикѣ вблизи церкви.

«Рано овдовѣвъ и глубо потрясенный потерей любимой жены, отецъ Никаноръ жилъ замкнутою жизнью. Весь проникнутый дѣтски наивною вѣрою въ Бога и благодать церки, онъ съ какимъ-то особымъ проникновеннымъ чувствомъ совершалъ всѣ церковныя службы, вселяя это чувство и въ своихъ прихожанъ.

«Въ городѣ его справедливо считали безсребренникомъ и чуть не святымъ. Несмотря на богатый приходъ, отецъ Никаноръ ходилъ всегда въ обтрепанной и заплатанной рясѣ, помогалъ всѣмъ нуждающимся въ своемъ приходѣ и совѣтомъ и деньгами; къ нему обращались нерѣдко за разрѣшеніемъ всякихъ спорныхъ дѣлъ и семейныхъ неурядицъ, его любили и боялись.

«Малепькій полутемный залъ въ квартирѣ отца Никанора былъ увѣшанъ литографированными портретами чтимыхъ митрополитовъ и потемнѣшими фотографическими карточками, среди которыхъ были карточки и его самого въ молодости и его покойной жены.

«Въ переднемъ углу былъ высокій кіотъ со старинными образами и тремя лампадками. При одномъ изъ образовъ хранились вѣнчальныя свѣчи, съ которыми когда-то вѣнчался отецъ Никаноръ, съ пожелтѣвшими ленточками и вѣночками fleur d'orange. На окнахъ залы стояли горшки съ геранью и фуксіей. Мебель въ залѣ—стулья и столы—были краснаго дерева старинной работы, какую можно встрѣтить теперь лишь въ нѣкоторыхъ монастыряхъ да патріархальныхъ купеческихъ домахъ въ провинціи».

Церковнымъ старостой при церкви, гдѣ служилъ о. Никаноръ, былъ нѣкто Чернопятовъ. «Донельзя скупой и мелочный въ своей домашней жизни, Чернопятовъ, видимо, не жалѣлъ денегъ для церкви. Онъ содержалъ на свои деньги хорошій хоръ пѣвчихъ, неустанно заботился о благолѣпіи храма, украшалъ его въ двунадесятые праздники цвѣтами и зеленью и вообще удивлялъ обывателей необыкновенной щедростью въ этомъ отношеніи. Отца Никанора онъ не долюбливалъ и боялся, но всегда исповѣдывался ни у кого другого, какъ у него.

— Строгъ, у-у, какъ строгъ! — говорилъ онъ, моргая своими лисьими глазками.

Разъ отецъ Никаноръ за что-то не допустилъ его къ причастію.

Чернопятовъ ходилъ уничтоженный и подавленный, не

пропускалъ въ церкви ни одной службы, молился, не вставая съ колѣнъ и утирая слезы пестрымъ носовымъ платкомъ, отъ котораго всегда пахло мятой.

Такъ продолжалось съ первой недѣли поста и до шестой, когда, наконецъ, отецъ Никаноръ смиловался и, вновь исповѣдовавъ Чернопятова, допустилъ его къ причастію.

Этотъ-то самый Чернопятовъ является весьма важнымъ свидѣтелемъ по тяжкому уголовному дѣлу—случившемуся въ городѣ убійству, по которому посаженъ въ тюрьму, по подозрѣнію, совершенно невинный человѣкъ. Правдивое показаніе Чернопятова могло бы освободить мнимаго преступника изъ тюрьмы, но Чернопятовъ, испугавшись судебной волокиты, во всемъ запирается. Узнавъ объ этомъ, отецъ Никаноръ тотчасъ же заветъ къ себѣ Чернопятова и безо всякихъ околичностей требуетъ отъ него полнаго признанія. Тотъ пробуетъ было запираться. Но отецъ Никаноръ тотчасъ же обличаетъ его:

— «Забылъ, видно, Бога-то на старости лѣтъ, что такой тяжелый грѣхъ на душу пріемлешь?.. Что въ заповѣди сказано?—Не свидѣтельствуй на друга своего ложно... Ради страха іудейскаго отрекся... Чтобы, значитъ, какънибудь собственнаго твоего спокойствія не нарушили, по судамъ тебя не затаскали... А не подумалъ, что тутъ живой человѣкъ пропасть можетъ... Вѣдь ты одной ногой ужъ въ могилѣ стоишь, скоро придется тебѣ во всемъ отчетъ Богу давать, а ты что задумалъ!.. Забылъ, знать, о душѣ-то своей, забылъ о томъ, какъ въ позапрошломъ году на исповѣди-то мнѣ каялся, и я тебя шесть недѣль до причастія не допускалъ?.. Все забылъ, забылъ и то, какъ страдалъ и мучился, грѣхъ-то свой тогдашній замаливая?..»

Выслушавъ признаніе Чернопятова, отецъ Никаноръ велитъ ему сейчасъ же дать показаніе слѣдователю. «А если не пойдешь—прибавляетъ онъ—я самъ пойду и буду свидѣтельствовать противъ тебя».

Дѣло однакоже усложняется. Вину въ убійствѣ по нѣ-

которымъ побужденіямъ произвольно беретъ на себя одна экзальтированная дѣвушка, бывшая прежде духовною дочерью отца Никанора. О. Никаноръ, узнавъ объ этомъ приходитъ къ ней въ тюрьму. Та встрѣчаетъ его злобно.

— Кто васъ подослалъ ко мнѣ? Зачѣмъ вы пришли?— спрашиваетъ она.

— «Никто не подсылалъ меня къ тебѣ,—тихо отвѣтилъ отецъ Никанорь,—самъ я пришелъ, о душѣ твоей стосковался. Зналъ я и чувствовалъ, что скорбитъ и мятется твоя душа, и захотѣлось мнѣ облегчить ее и успокоить... Отшатнулась ты отъ Бога, отдалась во власть дьяволу и оттого тьма въ твоей душѣ .. Оттого ты и богохульствуешь, оттого и въ справедливость и милость Божію не вѣришь... Горько и тяжко мнѣ слушать тебя... Болитъ о тебѣ мое сердце, но, слушай, не теряю я надежды и никогда до самой своей смерти не потеряю ее, что въ концѣ-концовъ Господь Богъ смилуется надъ тобою и возвратитъ и приблизитъ тебя къ Себѣ. И знай, я буду ждать, буду ждать до тѣхъ поръ, пока ты будешь здѣсь въ нашемъ городѣ. Когда станетъ тебѣ тяжело, извѣсти меня; и я приду къ тебѣ... Вѣдь я твой духовный отецъ, вѣдь ты близка и дорога мнѣ»...

Отецъ Никаноръ опускается на колѣни и усердно и долго молится. Но дѣвушка остается непреклонною въ своемъ упорствѣ.

«Я понимаю этого проникновеннаго старца,—говоритъ потомъ объ отцѣ Никанорѣ городской докторъ, — онъ смотритъ на жизнь, какъ на приготовленіе къ смерти, къ переходу къ тотъ міръ, изъ котораго ни одинъ путникъ не возвращается, и вопросъ о томъ, какъ прожить жизнь, неотступно стоитъ предъ его глазами. Эта жизнь для него лишь моментъ, преддверіе вѣчности. Это вѣдь мы, осатанѣвшіе въ своемъ невѣріи, цѣнимъ этотъ моментъ «an und für sich», и ни до какой вѣчности намъ дѣла нѣтъ. И вотъ загляните теперь въ душу старца!.. Его духовная дочь упорно отвращается отъ этой вѣчности и, мало того,

сознательно и, видимо, строго обдуманно беретъ на свою душу такую тяжесть, такой великій грѣхъ, какъ смертоубійство... Старецъ потрясенъ, но онъ вѣритъ, понимаете ли, вѣритъ, глубоко и безпредѣльно вѣритъ, что она возвратится къ Богу, что Богъ въ концѣ-концовъ призоветъ ее къ Себѣ и разсѣетъ тьму въ ея смятенной душѣ,—и все образуется. И, вѣдь, знаете, что онъ добьется этого, потому что онъ вѣритъ, а вѣра горами двигаетъ... Меня безконечно поражаетъ вѣра и всепрощающая любовь этого изможденнаго старца!.. Сила этой любви, этого всепрощенія въ концѣ-концовъ покоритъ весь міръ .. И пресловутоое изрѣченіе mens sana in corpore sano, вопреки всякимъ законамъ природы, всякой науки и всякой логики, теряетъ свой смыслъ и свое значеніе... Въ этомъ больномъ, слабомъ изможденномъ тѣлѣ такая сила духа, что самому диковинному атлету и геркулесу не приснится»...

Подобный этому типъ выведенъ мимоходомъ и въ лицѣ духовника женскаго монастыря—въ разсказѣ г. Данилова: «Отъ свѣта къ свѣту» («Историч. Вѣстникъ» май 1902 года).

Типъ пастыря добраго выведенъ и въ лицѣ священника, о. Алексѣя, въ разсказѣ г. Хлопова «Пасха въ тайгѣ» («Московск. Вѣдомости» № 104, 1902 г.).

Въ глухой тайгѣ, недалеко отъ одной изъ станцій только что проведенной Сибирской желѣзной дороги, прилѣпилась у скалы маленькая деревянная церковка. Она недавно построена, служба въ ней совершается только по праздникамъ, да и штата опредѣленнаго при ней нѣтъ, такъ какъ священникъ, о. Алексѣй, состоитъ и при другой церкви, верстахъ въ двадцати, побольше, и управляется и здѣсь и тамъ. Да и приходъ-то при церкви не совсѣмъ осѣдлый. Многіе разсѣяны по тайгѣ—охотники и рыболовы. Есть между лѣсными жителями еще не мало и язычниковъ, о чемъ скорбитъ душа о. Алексѣя, хотя и твердо вѣритъ онъ, что придетъ время, и всѣ они придутъ и припадутъ ко Христу, разрушатъ свои идольскіе жертвенники, развѣн-

чаютъ своихъ обманщиковъ-шамановъ, и будетъ едино стадо и единъ пастырь. И каждый разъ, когда ему случается «уловить въ благодатныя сѣти Христа человѣческую душу», крестить язычника,—это ему радость, великій праздникъ.

Наступаетъ Пасха, и у отца Алексѣя еще одна забота. Слишкомъ малъ и плохъ колоколъ при церкви; а между тѣмъ ему давно обѣщанъ для церкви цѣлый звонъ въ нѣсколько колоколовъ, и каждый день онъ ждетъ ихъ присылки. Онъ уже предупредилъ объ этомъ своихъ крещеныхъ инородцевъ, и тѣ тоже ждутъ съ нетерпѣніемъ. Но время идетъ, Пасха подходитъ, а колоколовъ все нѣтъ. Дѣлать, конечно, нечего. Отслуживъ утреню и обѣдню, отецъ Алексѣй спѣшитъ въ другую церковь. Но не проходитъ и нѣсколькихъ часовъ, какъ приходятъ колокола. Немедленно даютъ телеграмму о. Алексѣю, прося его немедленно прибыть по важному дѣлу, но не сообщаютъ, по какому, желая сдѣлать ему сюрпризъ. Къ вечеру пріѣзжаетъ о. Алексѣй, веселый и радостный, такъ что у начальника станціи явилось подозрѣніе, — не сказали ли уже ему о колоколахъ. Но оказывается, что радость о. Алексѣя по другому поводу: ему въ этотъ день удалось обратитить ко Христу сразу троихъ инородцевъ. Услышавъ же о прибытіи колоколовъ, онъ и совсѣмъ расцвѣтаетъ. Выгрузка и затѣмъ подвѣска колоколовъ, разумѣется, не откладывается въ долгій ящикъ. Вся колонія налицо. Даже маленькія дѣти просятъ дать имъ хоть подержаться за веревку. Наконецъ, все готово. Наступилъ третій день Пасхи. По командѣ отца Алексѣя, люди взялись за веревку. И «вотъ заколебался языкъ самаго большого колокола. Раздался густой, протяжный звонъ. Всѣ перекрестились. Потомъ зазвонилъ средній, потомъ подхватилъ маленькій. И все слилось вмѣстѣ. И какъ заликовала душа отца Алексѣя!.. Да, ужъ теперь этого звона нельзя было смѣшать не только съ дребезжаніемъ станціоннаго звонка, но даже и ни съ какими земными звуками.

Колокола пѣли, ликовали и радовали сердца всѣхъ присутствующихъ. На глазахъ у иныхъ женщинъ показались даже слезы. Не выдержалъ отецъ Алексѣй, — и самъ полѣзъ на колокольню. Иновѣрцы, дѣти тайги, въ первый разъ въ жизни слышали такой полный и громкій звонъ и стали сбѣгаться толпами. По ихъ сіяющимъ лицамъ и быстрымъ движеніямъ видно было, что они испытываютъ большое наслажденіе... А колокола звонили и звонили, будя тысячелѣтній сонъ тайги, призывая ее къ новой жизни».

Пастырей добрыхъ, мужественныхъ защитниковъ дѣла Христова и своей паствы, не боящихся постоять за нее предъ сильными и грозными міра сего, изображаютъ и два небольшихъ разсказа: «Пропавшая святыня» («Московскія Вѣдомости» 1901 г.) и «Изъ дѣлъ давно минувшихъ» (Московскій Листокъ» 1902 г.). Хорошіе священники выведены также: въ повѣсти г. Круглова «Веселыя похороны» (Историческій Вѣстникъ» май—августъ 1902 года)— въ лицѣ о. Леонида Трудолюбова, молодого, но дѣятельнаго, благоговѣйнаго и усерднаго городского священника и въ разсказѣ г. Гославскаго «Яблоки» (Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, издан. газ. «Курьеръ», Москва, 1900 г.) — въ лицѣ отца Николая, всѣми любимаго за кротость, простоту и безкорыстіе сельскаго священника-старика.

Всѣ, разсмотрѣнные нами, типы священниковъ принадлежатъ къ положительнымъ, т.-е. къ типамъ пастырей добрыхъ, такихъ, какими должны быть священники и на самомъ дѣлѣ. Но, само собою разумѣется, что не однихъ только такихъ священниковъ выводитъ предъ читателями наша свѣтская литература. Есть здѣсь и такіе типы, которыхъ нельзя назвать ни положительными ни отрицательными, есть типы и прямо отрицательнаго характера. Мы не обойдемъ, конечно, ни тѣхъ ни другихъ и сначала скажемъ о первыхъ.

Къ такимъ принадлежатъ прежде всего протоіерей о

Стахій Кануновъ, выведенный въ разсказѣ уже упомянутаго г. Измайлова «Геніальная идея». О. Стахій тщетно старается освободиться отъ пьянаго и дерзкаго дьячка Ѳедота. Отецъ Стахій — человѣкъ кроткій и долго терпитъ продерзости и непотребства Ѳедота, но, наконецъ, терпѣніе его окончательно истощается и онъ заявляетъ на послѣдняго рѣшительную жалобу благочинному. Ѳедотъ и самъ на этотъ разъ чувствуетъ, что его дѣло плохо, и по совѣту пріятелей, рѣшается на скверную хитрость. Съ покаяннымъ и смиреннымъ видомъ является онъ къ о. Стахію, заявляетъ ему, что намѣренъ перейти въ другой приходъ, и слезно проситъ его дать ему одобрительное свидѣтельство, безъ котораго настоятель того прихода не соглашается просить за него. Довѣрчивый о. Стахій, хоть и не сразу, даетъ Ѳедоту просимое имъ одобреніе и ликуетъ, что дѣло устроилось само собою и такимъ мирнымъ образомъ: «коли ты отъ меня уйдешь, — говоритъ онъ Ѳедоту,—такъ въ моемъ приходѣ будетъ радость велія, какой не было отъ начала міра доселѣ. Горы восплещутъ,—дьячекъ Ѳедотъ ушелъ». Но ликованіе о. Стахія оказывается преждевременнымъ. Когда благочинный вызываетъ къ себѣ Ѳедота и начинаетъ его распекать, Ѳедотъ, и не думавшій на самомъ дѣлѣ никуда уходить, показываетъ ему одобреніе о. Стахія и—остается на мѣстѣ ненаказаннымъ.

Въ разсказѣ того же г. Измайлова «Непредвидѣнный пунктъ» выведенъ сельскій священникъ о. Семенъ, живущій въ бѣднѣйшемъ селѣ, «въ медвѣжьемъ углу, въ странѣ небѣленыхъ полушубковъ», и со страхомъ и сильною тревогою ожидающій проѣзда чрезъ его село губернатора. Какъ встрѣтить, о чемъ говорить съ такимъ высокимъ посѣтителемъ, въ особенности—если онъ вздумаетъ здѣсь остановиться и отдохнуть, а остановиться ему здѣсь негдѣ, кромѣ какъ у священника. «Одно неосторожное слово... и его карьера испорчена въ конецъ, а жизнь перевернута вверхъ дномъ... Помимо этого, достаточно одной независя-

щей отъ него ничтожной причины, какого-нибудь жесткаго дивана, предназначеннаго для отдыха гостю, — и на его многострадальную голову обрушится тяжелый молотъ съ дѣтства преслѣдовавшей его судьбы». Стыдно о. Семену и за свою крайнюю бѣдность, за свою почти до нищенства убогую обстановку. Положеніе еще усложняется, когда о. Семенъ узнаетъ, что губернаторъ нѣмецъ и, слѣдовательно, неправославный. Можно ли служить для него молебенъ, если онъ пожелаетъ зайти въ церковь? И если даже только съ крестомъ его встрѣтить, — не покажется ли ему и это навязчивостью? Все это о. Семена едва не сводитъ съ ума. Наконецъ, настаетъ день, когда долженъ проѣхать губернаторъ. Церковный сторожъ съ утра посаженъ на колокольню, а причтъ стоитъ около церкви. Но тутъ неожиданно получается извѣстіе, что губернаторъ уже давно проѣхалъ мимо. Камень сваливается съ плечъ о. Семена, но дьяконъ, разсчитывавшій сказать многолѣтіе и щегольнуть своимъ голосомъ, разочарованъ и недоволенъ.

Въ разсказѣ г. Ольнемъ «Тихій уголъ» (Русское Богатство» 1902 г.) сельскій священникъ и законоучитель мѣстной земской школы о. Порфирій усердно хлопочетъ о переводѣ земской школы въ пустующій просторный помѣщичій домъ. Оказывается все-таки, что онъ усердствуетъ не безъ задней мысли, такъ какъ въ освободившееся за переводомъ школы помѣщеніе переводитъ ютившуюся доселѣ въ убогой хатѣ церковно-приходскую школу, гдѣ учительствуетъ его дочь.

Но лучшій изъ всѣхъ этихъ типовъ это—священникъ о. Платонъ, выведенный въ «Разсказахъ о прошломъ», г. Елпатьевскаго («Русская Мысль» 1901 г., іюль). Отецъ Платонъ состоитъ священникомъ въ богатомъ помѣщичьемъ селѣ. Онъ вдовъ, и его домъ полонъ бѣдныхъ родственниковъ, которыхъ онъ кормитъ и одѣваетъ; онъ награждаетъ приданымъ племянницъ, содержитъ въ семинаріи племянниковъ—однихъ за другими, безъ перерыва. У него довольно большая библіотека, онъ выписываетъ га-

зету и журналъ; но тѣмъ не менѣе ему скучно дома. Его тянетъ къ помѣщичьему дому, тянетъ къ обществу. И онъ первый гость на семейныхъ торжествахъ и храмовыхъ праздникахъ у своихъ родныхъ. Пріѣзжаетъ онъ обыкновенно первымъ (а уѣзжаетъ послѣднимъ) и всѣмъ, не исключая и дѣтей, непремѣнно старается сказать что-нибудь пріятное. И когда онъ находится въ гостяхъ, его рѣчь течетъ потокомъ.

«Говорилъ о. Платонъ, растягивая слова, плавнымъ, медоточивымъ теноркомъ, всѣ его движенія были мягки и медлительны, и весь онъ—лысый, съ влажными глазами, съ полнымъ, рыхлымъ тѣломъ, былъ какой то круглый, пухлый мягкій.

Выраженія онъ любилъ книжныя и уснащалъ рѣчь замысловатыми оборотами и почтительными эпитетами: «въ разсужденіи чего», «касательно вышеизложеннаго», «его высокопревосходительство генералъ-аншефъ», «его высокопреподобіе достопочтеннѣйшій отецъ протоіерей» и все въ такомъ родѣ. Матеріи для разговора любилъ выбирать важныя,—о генералахъ, объ архіереяхъ, о царяхъ, и говорилъ соотвѣтствующимъ высокимъ слогомъ, низкихъ же матерій и низкаго слога не любилъ. Онъ могъ говорить цѣлыми часами... О. Платонъ франтъ и щеголь. Онъ пріѣзжалъ въ зеленой или лиловой шерстяной рясѣ; кушакъ которымъ было стянуто полукафтанье, былъ вышитъ не огурцами, какъ было принято у причетниковъ, дьяконовъ и бѣдныхъ священниковъ, а цвѣтами и букетами, иногда и бисеромъ. Всѣмъ было извѣстно, что у о. Платона была подаренная помѣщицею, генеральшею Солтухиною, шелковая ряса, что по тѣмъ временамъ (средина прошлаго столѣтія) составляло большую роскошь даже для городскихъ священниковъ. Волосы онъ смазывалъ помадой Мусатова, а не масломъ изъ лампадки, и даже платокъ его былъ надушенъ. Благоухающій, съ расчесанною волосокъ къ волоску бородою, въ свѣтлой рясѣ, въ великолѣпномъ кушакѣ, съ длинною серебряною цѣпочкою, вившеюся по

полукафтанью, отецъ Платонъ былъ истиннымъ украшеніемъ родственныхъ праздниковъ.

Здѣсь о. Платонъ начиналъ увлекательно разсказывать свои длинныя превосходныя исторіи, касавшіяся всего рода его высокопревосходительства генералъ-аншефа Солтухина... Сидитъ отецъ Платонъ на почетномъ мѣстѣ, на кожаномъ диванѣ... украшенный, благоухающій и ровнымъ, журчащимъ теноркомъ разсказываетъ:

— ...И призываетъ его (генералъ-аншефа Солтухина) султанъ турецкій и говоритъ ему: иди, говоритъ въ мое подданство, прими, говоритъ, ты нашу турецкую вѣру, и сдѣлаю, говоритъ, я тебя первѣйшимъ пашей. Ежели, говоритъ, ты на сіе согласія своего не дашь...

— Мы всѣ знаемъ,—прибавляетъ авторъ «Разсказовъ» что трагическій моментъ приближается. Отецъ Платонъ вынимаетъ изъ кармана красный фуляровый платокъ и табакерку, украшенную портретомъ какого-то Солтухина, торжественно открываетъ ее, деликатно беретъ концами пальцевъ понюшку табаку, подноситъ ее къ носу, но не нюхаетъ, и въ такомъ положеніи, сморщивши лобъ, отчего лысина его собирается въ складки, продолжаетъ:

— ...И отвѣчаетъ султану турецкому его высокопревосходительство генералъ-аншефъ Иліодоръ Артемьевичъ: я, говоритъ, моему Богу не отступникъ и моему царю не измѣнникъ...

Съ шумомъ входитъ табакъ въ ноздри отца Платона, громко щелкаетъ табакерка, и красный фуляровый платокъ отираетъ покрытый крупными каплями пота лобъ. Отецъ Платонъ нѣкоторое время молчитъ, какъ бы давая слушателямъ придти въ себя, и продолжаетъ:

— ...И приказалъ султанъ турецкій заключить его въ седьмибашенный замокъ»...

Здѣсь же выводится и другой священникъ, рѣзко выдѣляющійся изъ тогдашняго духовенства — Николай Михайловичъ, веселый и щеголеватый человѣкъ, пѣвецъ, обладающій чуднымъ голосомъ и, подобно отцу Платону, бывшій украшеніемъ родственныхъ праздниковъ.

«Высокій красавецъ, съ великолѣпною бѣлокурою бородой и веселыми карими глазами, — стройный, ловкій и остроумный, Николай Михайловичъ рѣзко выдѣлялся среди бѣднаго запуганнаго духовенства. Онъ былъ священникомъ въ подгородномъ селѣ, гдѣ причтъ получалъ большія арендныя деньги за луга, подходившіе къ самому городу; дѣтей у него не было, жилъ онъ по тогдашнему широко, не трясся надъ копѣйкой, съ землей не возился, водилъ компанію съ чиновниками и съ офицерами стоявшаго въ городѣ батальона, выписывалъ «вѣдомости», какъ называли тогда всѣ газеты,—и всегда вносилъ съ собою, въ нашъ старозавѣтный домъ, запахъ другой жизни, атмосферу иныхъ идей и чувствъ,—въ нѣкоторомъ родѣ вольный духъ.

Жена попалась ему подъ пару. Веселая, моложавая женщина, безъ тѣхъ раннихъ морщинъ и выраженія удрученной тоски, которыя лежали на лицахъ большинства нашихъ матушекъ и дьяконицъ, она также вносила оживленіе и дѣлалась центромъ всюду, куда являлась. Если дядя привозилъ съ собою политическія новости (и вообще всякія), то она была въ роднѣ законодательницею модъ, и выкройки ея ходили по уѣзду. Она читала сочиненія Марлинскаго... была немножко романтична, держалась больше съ молодежью и очень любила покровительствовать всякимъ романамъ и устраивать браки по любви, что было тоже большимъ вольнымъ духомъ въ средѣ духовенства въ то время.

Пріѣздъ Николая Михайловича—на парѣ бойкихъ пѣгонькихъ лошадокъ, въ аккуратненькомъ тарантасикѣ,—всегда оживлялъ собравшихся гостей, и сразу становилось веселѣе и шумнѣе.

— Вотъ и я!—веселый и всегда улыбающійся появляется онъ въ горницѣ.—Отцы святые! Матери преподобныя!—раскланивается онъ направо и налѣво»...

Средніе же типы священниковъ выведены въ разсказахъ: «Горе отца Николая» — Томскаго («Русское Богат-

ство» февраль 1902 года)—въ лицѣ священника, отца Николая, страшно тоскующаго по внезапно умершемъ взрослomъ сынѣ, и въ романѣ Сафонова «Сѣверная Звѣзда» («Русскій Листокъ» 1901 года)—въ лицѣ протоіерея Евстаѳія, добродушнаго и гостепріимнаго старца.

Нѣсколько особнякомъ стоитъ типъ сельскаго священника, о. Павла Орлеанскаго, выведенный въ очеркѣ г-жи Стахевичъ «Страничка изъ захолустной жизни» (*Вѣстникъ Европы*, августъ 1902 года).

Отецъ Павелъ занимаетъ одну половину ветхаго церковнаго дома, въ другой живетъ старая работница съ сыномъ, служившимъ за кучера. «Отецъ Павелъ вдовѣетъ уже больше двадцати лѣтъ. Когда-то онъ мечталъ объ академіи, но, по настоянію матери, бѣдной діаконской вдовы, долженъ былъ посвятиться въ священники прямо съ семинарской скамьи. Несмотря на крайне неблагопріятныя условія воспитанія, душа отца Павла всегда оставалась младенчески чистой, умъ утонченно деликатнымъ. На первыхъ порахъ многое смущало его въ служебной іерейской дѣятельности. Очень тяжело было ему мириться съ необходимостью принимать плату за совершеніе требъ, брать деньги иной разъ почти при послѣднемъ молитвенномъ словѣ. Ему казалось, что это унижаетъ его санъ и, главное, религію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ умаляетъ и значеніе таинства. Бѣганье съ иконами по домамъ считалъ онъ грѣхомъ и желающимъ поднять иконы совѣтовалъ заявлять объ этомъ раньше, чтобы приготовиться достойно, съ благоговѣніемъ, встрѣтить святыню. Потерявъ жену, онъ снова порывался въ академію, но надо было кормить престарѣлую мать, и онъ остался на мѣстѣ. Смерть молодой жены сильно потрясла его, и долго послѣ ея похоронъ отецъ Павелъ, въ случаяхъ отпѣванія, плакалъ навзрыдъ, вмѣстѣ съ домашними покойника. Въ такихъ случаяхъ ему особенно трудно было брать плату, и онъ всегда опускалъ деньги въ карманъ съ такою поспѣшностью, какъ будто онѣ жгли ему руки. Но приходилось все-таки

брать: въ его приходѣ жалованья отъ казны не полагалось, а причтовый надѣлъ былъ крайне скудный»... Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ усилій измѣнить такой порядокъ вещей,... «отецъ Павелъ пересталъ мудрствовать, а живетъ себѣ, какъ и многіе іереи, тихо, мирно и благодушно... Ясный, открытый взоръ отца Павла, казалось, говорилъ: я стараюсь устроить свою жизнь такъ, чтобы какъ можно меньше вредить другимъ, — и весь я тутъ. — Эта скромная роль человѣка безобиднаго, вѣроятно, удовлетворяла его, и отецъ Павелъ никогда не вмѣшивался ни въ какія общественныя дѣла». Но въ частныхъ дѣлахъ своихъ прихожанъ, въ несчастіи и горѣ, отецъ Павелъ всегда готовъ принять участіе и помочь, и совѣтомъ, и увѣщаніемъ, и деньгами. Тяжело видѣть ему чужое горе, и скорбитъ его душа при этомъ, и только вѣра поддерживаетъ его въ такія минуты.

Изъ типовъ остальныхъ членовъ причта мы остановимся лишь на типахъ: діакона Филиппа Сперанскаго изъ разсказа Леонида Андреева «Жили-были» и дьячка Савватія изъ разсказа г. Измайлова «Праздничный гость».

«Жили-были»—это саратовскій купецъ Лаврентій Кошевѣровъ и діаконъ изъ тамбовской епархіи Филиппъ Сперанскій. Оба они одновременно пріѣхали въ Москву лѣчиться и оба положены въ университетскую клинику. У обоихъ болѣзнь неизлѣчимая, и дни ихъ сочтены, но они этого не знаютъ, и имъ этого не говорятъ. И наружностью и душою они представляютъ собою полную противоположность другъ другу. Громаденъ и толстъ Кошевѣровъ, малъ и худъ, какъ десятилѣтній ребенокъ, дьяконъ. И насколько угрюмъ и золъ Кошевѣровъ, настолько жизнерадостенъ, несмотря на смертельную болѣзнь, благодушенъ, общителенъ и ласковъ о. діаконъ. «Волосы у о. дьякона были густые, длинные, изсѣра сѣдые и на концахъ желтѣли и закручивались. Какъ изъ большой, не по рисунку,

рамки выглядывало изъ нихъ маленькое, темное лицо, съ правильными, но миніатюрными чертами... Отецъ діаконъ, какъ всѣ его называли, охотно и откровенно разсказывалъ о себѣ, о своей семьѣ и о своихъ знакомыхъ, и такъ любознательно и наивно распрашивалъ о томъ же другихъ, что никто не могъ сердиться, и всѣ также откровенно разсказывали. Когда кто-нибудь чихалъ, о. діаконъ издали кричалъ веселымъ голосомъ:

— Исполненіе желаній! За милую душу!—и кланялся.

Къ нему никто не приходилъ, и онъ былъ тяжело боленъ, но онъ не чувствовалъ себя одинокимъ, такъ какъ познакомился не только со всѣми больными, но и съ ихъ посѣтителями, и не скучалъ. Больнымъ онъ ежедневно по нѣскольку разъ желалъ выздоровѣть, здоровымъ желалъ, чтобы они въ весельи и благополучіи проводили время, и всѣмъ находилъ сказать что-нибудь доброе и пріятное. Каждое утро онъ всѣхъ поздравлялъ: въ четвергъ — съ четвергомъ, въ пятницу—съ пятницей, и что бы ни творилось на воздухѣ, котораго онъ не видалъ, онъ постоянно утверждалъ, что погода сегодня пріятная на рѣдкость. При этомъ онъ постоянно и радостно смѣялся продолжительнымъ и неслышнымъ смѣхомъ, прижималъ руки ко впалому животу, хлопалъ руками по колѣнамъ, а иногда даже билъ руками въ ладоши. И всѣхъ благодарилъ, — иногда трудно было рѣшить, за что... Все въ клиникахъ — чистота, дешевизна, любезность докторовъ, цвѣты въ корридорѣ—вызывало его восторгъ и умиленіе. То смѣясь, то крестясь на икону, онъ изливалъ свои чувства предъ молчащимъ Кошевѣровымъ и, когда словъ не хватало, восклицалъ:

— За милую душу! Вотъ какъ передъ Богомъ, за милую душу!..»

Когда приходили доктора и студенты и начинался внимательный и продолжительный осмотръ больныхъ, «о. дьяконъ волновался и говорилъ такъ много и такъ невразумительно, съ такимъ желаніемъ всѣмъ доставить удоволь-

ствіе и всѣмъ оказать уваженіе, что его трудно бывало понять... По уходѣ докторовъ онъ становился веселѣе, благодарилъ, умилялся и бывалъ очень доволенъ собою, если ему удавалось при прощаніи сдѣлать не одинъ общій поклонъ всѣмъ докторамъ, а каждому порознь.

— Такъ это чинно—радовался онъ—по небесному!..

Съ восторгомъ говорилъ онъ о путешествіи въ Троице-Сергіевскую лавру и въ кремлевскіе соборы, которое онъ совершитъ по выздоровленіи, и о яблонѣ въ своемъ саду, которая называлась «бѣлый наливъ» и съ которой нынѣшнимъ лѣтомъ онъ ожидалъ плодовъ. И въ хорошій день, когда стѣны и паркетный полъ палаты щедро заливались солнечными лучами, ни съ чѣмъ несравнимыми въ своей могучей силѣ и красотѣ... отецъ діаконъ громко напѣвалъ трогательную пѣснь: «Высшую небесъ»... Голосъ его, слабый и нѣжный теноръ, начиналъ дрожать, и въ волненіи, которое онъ старался скрыть отъ окружающихъ, о. діаконъ подносилъ къ глазамъ платокъ и улыбался. Потомъ, пройдясь по комнатѣ, онъ вплотную подходилъ къ окну и вскидывалъ глаза къ голубому безоблачному небу: просторное, далекое отъ земли, безмятежно красивое, оно само казалось величавою божественною пѣснью. И къ ея торжественнымъ звукамъ робко присоединялся дрожащій человѣческій голосъ, полный трепетной и пламенной мольбы»...

Кошевѣровъ злобно и грубо смѣется надъ о. діакономъ, но тотъ не замѣчаетъ этого и благодаритъ его и разсказываетъ ему про свою семью, про грамоту, которую ему дали при посвященіи во діакона (раньше онъ былъ псаломщикомъ)... Когда онъ, наконецъ, получаетъ изъ дома письмо, котораго вмѣстѣ съ нимъ ожидали и всѣ больные, онъ всѣмъ его показываетъ, принимая поздравленія, кланяясь и благодаря, и восхищается тѣмъ, что на четвертой страницѣ письма остались явственные слѣды грязной рученки его маленькаго внука, и было подписано: «Тосикъ руку приложилъ». Когда къ лежащему рядомъ сту-

денту приходитъ его невѣста, о. діаконъ деликатно отворачивается или даже и совсѣмъ уходитъ изъ палаты. Но вотъ о. діакона повели на лекцію. Вернулся онъ изъ аудиторіи веселый, возбужденный и разговорчивый и даже плачетъ отъ умиленія.

— «Такъ это хорошо, за милую душу!—съ умиленіемъ разсказываетъ онъ.—Посадили меня Семенъ Николаевичъ въ кресло, сами стали рядомъ и говорятъ студентамъ: «Вотъ, говорятъ, діаконъ»... Ужъ очень трогательно читаютъ Семенъ Николаевичъ! Такъ трогательно, что вся душа перевертывается. Жилъ, говорятъ, былъ діаконъ... Всю жизнь разсказали. Какъ это я былъ псаломщикомъ, не доѣдалъ. Про жену тоже, спасибо имъ, упомянули. Такъ трогательно, такъ трогательно: будто померъ ты, и надъ тобою читаютъ. Жилъ, говорятъ... былъ, говорятъ... діаконъ»...

А болѣзнь дѣлала свое дѣло. Жизнь выходила изъ Кошевѣрова и діакона, и они слабѣли съ каждымъ днемъ и уже не могли подняться съ постелей. Наконецъ, Кошевѣровъ умеръ. Дьякона же доктора увѣрили, что онъ будетъ жить, и онъ повѣрилъ имъ, кланялся съ постели одной головой, благодарилъ и поздравлялъ всѣхъ съ праздникомъ...

Присоединимъ сюда кстати и разсказъ объ одномъ дѣйствительномъ лицѣ, жившемъ въ Вологдѣ въ срединѣ прошлаго столѣтія, — какъ доказательство того, сколько есть невѣдомыхъ міру достойныхъ и истинныхъ служителей Божіихъ, а также и того, что положительные типы духовенства—не плоды фантазіи, а взяты съ натуры. Въ своихъ разсказахъ «Изъ раннихъ воспоминаній» (*Русскія Вѣдомости* 1902 года) нѣкто Л. Пантелѣевъ воспоминаетъ объ одномъ вологодскомъ діаконѣ, служившемъ прежде при Петропавловской церкви и извѣстномъ всему городу подъ именемъ «Петропавловскаго дьякона». Авторъ воспоминаній — сынъ одной бѣдной женщины, жившей въ Вологдѣ.

«Какихъ лѣтъ былъ петропавловскій дьяконъ,—разсказываетъ нашъ авторъ,—право не помню. Помню только, что онъ не выглядывалъ старикомъ. Онъ давно оставилъ мѣсто и жилъ, какъ птица небесная, гдѣ день, гдѣ ночь, всюду встрѣчаемый, какъ желанный гость. Это была натура кроткая, участливая къ обывательскому горю. Къ тому же онъ никогда ничего не просилъ—не только для себя лично, но и подъ какимъ-нибудь другимъ благовиднымъ предлогомъ; если ему давали деньги, онъ или ставилъ свѣчи и подавалъ просфоры, или раздавалъ нищимъ. Что̀ ему было надо? На ночь гдѣ-нибудь голову приклонить. Помню его: средняго роста, въ круглой, мягкой шляпѣ, изъ-подъ которой выступали не особенно длинные русые волосы, въ суконномъ, сильно порыжѣвшемъ подрясникѣ, съ посохомъ въ рукахъ; вотъ идетъ онъ по улицѣ: всѣ ему привѣтливо кланяются, многіе подходятъ подъ благословеніе.—Богъ благословитъ!—отвѣтитъ онъ обыкновенно, и въ его мягкомъ голосѣ, добрыхъ голубыхъ глазахъ обыватель читалъ отраженіе своего душевнаго настроенія. Но онъ весь превращался въ нѣжность, когда подводили къ нему дѣтей, крестилъ ихъ, ласково гладилъ по головѣ и рылся въ своихъ карманахъ,—нѣтъ ли тамъ случайно гроша, чтобы дать на пряникъ. Его сфера была преимущественно обывательская и притомъ наименѣе зажиточная; тутъ его всякій зналъ, какъ и онъ всѣхъ; всѣ ему открывали свои горести и печали, свои упованія и радости. Онъ не юродствовалъ, не ходилъ въ рубищахъ, не произносилъ грозныхъ рѣчей о грѣхахъ міра сего, не творилъ чудесъ, не исцѣлялъ больныхъ. Его слава держалась на томъ, что онъ прозорливецъ, и эту славу онъ сохранилъ до конца дней своихъ. Когда его хоронили, кажется, въ семидесятыхъ годахъ, Вологда никогда не видала такого стеченія народа: тысячи провожали прозорливца до мѣста вѣчнаго упокоенія.. Случались у матушки тяжелыя недѣли, что никакого заработка; тогда хлѣбъ да горячая вода съ солью нерѣдко замѣняли наше обычное меню. Но вотъ матушка

приходитъ съ рынка въ замѣтно приподнятомъ настроеніи. Она встрѣтила въ рядахъ петропавловскаго дьякона:

— И самъ вѣдь меня остановилъ, далъ вотъ эту просвирку да и говоритъ: трудишься, вдовица? Трудись, Богъ любитъ трудъ и сторицею воздастъ за него.

И вспоминаются эти слова матушкѣ, когда почему нибудь черезъ нѣсколько дней дѣла ея поправятся»...

Калачникъ неудачно простоялъ на рынкѣ: ничего почти не продалъ и съ огорченія хотѣлъ уже завернуть въ трактиръ, а отецъ дьяконъ какъ разъ ему дорогу переходитъ.—Отецъ дьяконъ, мое почтеніе!—спѣшитъ проговорить калачникъ. А тотъ ему въ отвѣтъ:—вездѣ благодать Божія, вездѣ Его попеченіе о трудящихся и обремененныхъ.—Хорошо сказано,—подумалъ калачникъ и вмѣсто трактира направился домой и въ этотъ же вечеръ наловилъ почти полное ведро рыбы.—«Прозорлицевъ, одно слово; непремѣнно, какъ попадется, на свѣчку ему подамъ: угодный Богу человѣкъ», — говорилъ послѣ этого калачникъ.

Одинъ торговецъ, человѣкъ хорошій и степенный, вдругъ, ни съ того ни съ сего, затосковалъ, началъ пить и въ короткое время спустилъ весь товаръ, а потомъ сталъ попрошайничать. Словомъ, совсѣмъ опустился человѣкъ. Жена его, потерявъ голову и испробовавъ всѣ способы помочь горю, осаждала отца дьякона просьбами помолиться за ея мужа.

— «Молюсь, — отвѣчалъ отецъ дьяконъ, — молюсь въ храмѣ Божіемъ, молюсь на распутіи, но мѣра взысканія Господня еще не исполнилась».

Бѣдная женщина еще пуще загоревала. Что значатъ эти слова и ужъ не ждать ли ей чего-нибудь еще худшаго? Между тѣмъ мужъ ея вдругъ исчезъ изъ города, и ни слуху ни духу о немъ не было. Стали думать, не ушелъ ли онъ къ старовѣрамъ, въ какой-нибудь дальній скитъ.—«А ужъ если туда махнулъ, такъ это все равно, что въ камскій мохъ провалился: оттуда люди ужъ не возвращаются домой»...

«Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Жена выплакала всѣ слезы и ужъ не знала, молиться ли ей о здравіи или за упокой раба Божія Петра. Но вотъ разъ она встрѣтила отца дьякона.

— Взглянулъ на меня таково ласково, да и проговорилъ:—угодна Богу сердца сокрушеннаго молитва, и въ раны его влагаетъ Онъ Свой перстъ животворящій. — А потомъ вынулъ изъ платочка просвирку и даетъ мнѣ.— Заздравная часть вынута изъ нея за раба Божія Петра. И сдѣлалось мнѣ какъ-то легко. Значитъ, живъ еще мой Петръ Семеновичъ, если прозорливецъ за здравіе его молится. Было это вскорѣ послѣ Ильина дня; не выходятъ у меня изъ головы слова отца дьякона; и просвирку его берегу, поставила къ образамъ. Вотъ въ Успеньевъ день встала я рано, тороплюсь до начала поздней обѣдни все управить. Только что успѣла пирогъ вынуть изъ печи, какъ въ соборѣ и ударили къ обѣднѣ. Стала я одѣваться; вдругъ, слышу, кто-то вошелъ въ кухню.. Оглянулась я, да ужъ и сама не знаю, какъ у меня ноги не подкосились: вижу, Петръ Семеновичъ крестится на икону»...

И либеральнаго образа мыслей люди не могутъ безъ нѣкотораго благоговѣнія вспоминать о такихъ избранникахъ Божіихъ и не рѣшаются умолчать о нѣкоторыхъ видимыхъ знаменіяхъ милости Божіей (тоже самое мы видѣли ранѣе — въ воспоминаніяхъ г. Елпатьевскаго) или отрицать ихъ.

Дьячокъ Савватій—глубокій старецъ и живетъ на покоѣ. Савватій «былъ въ душѣ поэтъ, а по складу ума философъ. Въ его нравственномъ обликѣ было что-то поэтически легендарное, а его жизнь отличалась чисто апостольскою простотою. Было что-то величественное во всей фигурѣ высокаго маститаго старца, съ густыми и длинными бѣлыми волосами и бородою патріарха, въ его строгомъ, правильномъ лицѣ, отмѣченномъ печатью спокойной старческой красоты. Онъ выросъ предъ лицомъ безмолвно

поучающей природы и изъ этой великой книги вынесъ запасъ неоскудѣвающей книжной мудрости... Старикъ жилъ воспоминаніями и съ спокойствіемъ умиренной совѣсти ждалъ своего жизненнаго конца... Семьдесятъ четыре года назадъ въ этомъ самомъ селѣ Савватій увидѣлъ свѣтъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Шли за годами года, приходили и уходили люди, смерть косила жатву жизни, и поколѣнія смѣняли одно другое, а онъ со стороны взиралъ на чужую жизнь, поучаясь великой мысли, что все кругомъ суета, и все идетъ къ одному опредѣленному концу. Въ своей избѣ, казавшейся старѣе его, онъ игралъ, когда былъ жизнерадостнымъ ребенкомъ... здѣсь прожилъ и прослужилъ весь вѣкъ, пока его не застигла старость, и не пришли на смѣну новые люди. Безъ горечи дѣячокъ уступилъ свое мѣсто и всецѣло погрузился въ самосозерцаніе и чтеніе священныхъ книгъ... Неспѣшно и терпѣливо подготовлялъ онъ себя къ будущему, спокойно озираясь на прошлое... Чрезъ толстые очки зорко и пристально смотрѣли глубоко впавшіе старческіе глаза, и какимъ-то достоинствомъ вѣяло отъ всей его фигуры, несмотря на грубую рубаху и стянутые веревкой очки...

Больше всего любилъ Савватій свое кладбище... Тишиною и покоемъ вѣяло отъ полуразвалившихся могилъ и накренившихся крестовъ, и невольно возникали въ умѣ грустныя мысли о мірской суетѣ. Савватій ходилъ на могилу отца, насыпанную уже пятьдесятъ лѣтъ назадъ, и думалъ о томъ, что скоро появится здѣсь новый, свѣжій холмъ... Лежать здѣсь, на высокомъ холмѣ, подлѣ отца, было давней мечтою Савватія. За свой долгій вѣкъ онъ скопилъ небольшую сумму денегъ. Теперь онъ уже не прилагалъ къ ней новаго, но только проживалъ нажитое. Всего было двадцать семь рублей, но для него это были большія деньги, и онъ зналъ, что въ старости ему есть чѣмъ прокормиться. Капиталъ хранился въ небольшомъ глиняномъ горшкѣ, стоявшемъ на полкѣ, въ углу избы. Все это было серебро и мѣдь. Поверхъ денегъ были на-

сыпаны угли, и старикъ зналъ, что никто не полюбопытствуетъ взглянуть, что̀ хранится подъ ними. Только старикъ дьяконъ зналъ о деньгахъ Савватія. Послѣ смерти дьячка онъ долженъ былъ похоронить его на эти средства, а оставшееся положить въ церковь на поминъ кроткой Савватіевой души».

Но вотъ постигаетъ старика страшное несчастіе. Странникъ, одинъ изъ тѣхъ, кого онъ принималъ и привѣчалъ постоянно, принятый и обогрѣтый имъ, обокралъ его въ самую пасхальную ночь, не оставивъ старику ни одной копейки. Ноги подкосились у старика. «Страшная перспектива неожиданно подкравшейся нищеты, побиранья Христовымъ именемъ и голодной смерти представилась его воображенію. Весь строй жизни казался измятымъ и искалѣченнымъ. Наступала новая жизнь нужды и лишеній. Хватитъ ли у него духу просить милостыню?..» Едва живой отъ горя, Савватій все же идетъ въ церковь, и первую половину утрени все еще не можетъ опомниться отъ своего горя. Но мало-по-малу величественная и радостная пасхальная служба захватила старика и пролила успокоеніе въ его тоскующую душу. «Развѣ ужъ такъ велика его потеря? О, конечно, эти крохи имѣли для него значеніе тысячъ, но вѣдь не дадутъ же ему умереть съ голоду, найдутся добрые люди!..» Слезы выступили на его глазахъ, и на душѣ, словно отряхнувшей тину и свалившей тяжелый грузъ, стало вдругъ свѣтло и безоблачно, и онъ радостно отвѣчалъ на привѣтствія и лобызанія знакомыхъ.

Но не одни только положительные типы духовенства мы находимъ въ русской свѣтской литературѣ за разсматриваемый періодъ. Не мало въ ней и отрицательныхъ типовъ. Главными поставщиками ихъ попрежнему являются: г. Елеонскій въ *Русскомъ Богатствѣ* и г. Гусевъ-Оренбургскій въ «Журналѣ для всѣхъ». Правда, оба эти писателя повторяются до нельзя, типы, ими выводимые, все одни и тѣ же: тѣ же разухабистые клирики, пересы-

пающіе свою рѣчь славянскими словечками, — какъ двѣ капли воды похожіе на выведенныхъ ранѣе, — у Гусева-Оренбургскаго, тотъ же черезчуръ практичный батюшка въ донельзя циничномъ, неуклюжемъ и нелитературно написанномъ разсказѣ Елеонскаго «Неизреченный свѣтъ». Помимо общей неправдоподобности, вымученности и искусственности фабулы, во всѣхъ этихъ разсказахъ не мало и отдѣльныхъ наглядныхъ несообразностей. Такъ въ разсказѣ Елеонскаго «Неизреченный свѣтъ» священникъ со словъ крестьянина, безъ всякой свѣрки съ документами, записываетъ прямо въ метрику лѣта и причину болѣзни умершей и, такъ какъ свѣдѣнія эти оказываются, разумѣется, невѣрны, то онъ безъ церемоніи зачеркиваетъ написанное и пишетъ вновь, чтобы зачеркнуть опять. И это въ метрикѣ—оффиціальномъ документѣ! Тотъ же авторъ старается увѣрить насъ, что всѣ вдовые священники ведутъ крайне безнравственную жизнь; что всѣ священники—страшные пьяницы, что время они могутъ проводить лишь самымъ пошлымъ образомъ, что всѣ городскіе протоіереи и священники курятъ сигары, что всѣ они, при хожденіи по приходу, впередъ обходятъ богатыхъ и т. п.

Въ разсказѣ г. Мамина Сибиряка «Ранній батюшка» праздничная ранняя обѣдня въ аристократическомъ приходѣ Москвы оканчивается въ *седьмомъ* часу утра, а священническій доходъ оказывается почему-то у старосты; законо-учитель института — приходскій священникъ и т. п.

Въ разсказѣ Гусева Оренбургскаго «Худая молва» духовенство, явившееся къ преосвященному, расхаживаетъ едва не по всѣмъ архіерейскимъ покоямъ, куритъ предъ тѣмъ, какъ идти ко владыкѣ, владыка долженъ дожидаться вызванныхъ, а они въ это время расхаживаютъ по архіерейскому саду. Въ другомъ разсказѣ этого автора «Обида» у консисторскаго секретаря по комнатѣ ходятъ дареные гуси, а соборный ключарь такъ обрадовался даровому меду, что тотчасъ же принялся пить съ нимъ чай безъ

конца и весь подрясникъ вымазалъ въ меду. Ничего болѣе достойнаго изображенія не находятъ эти писатели въ духовенствѣ. У этого же автора всѣ «матушки» — сухія, злыя, съ поджатыми губами, а батюшки, наоборотъ, толстые, веселые, разухабистые, пересыпающіе рѣчь славянскими словами.

Въ разсказѣ г. Измайлова «Геніальная идея» выведенъ неестественно высокомѣрный, неприступный и суровый благочинный; слишкомъ ужъ деспотичный и неразумный батюшка (о. Аѳанасій Крестовоздвиженскій) выведенъ и въ разсказѣ г. Круглова «Веселыя похороны» (*Историческій Вѣстникъ* май — августъ 1902 года); въ этомъ же разсказѣ выведена до крайности наивная дочь священника.—Въ разсказѣ Наживина «Внѣ жизни» (*Русское Богатство* августъ 1902 года) игуменъ монастыря занимается только тѣмъ, что читаетъ разсужденія *Московскихъ Вѣдомостей* о необходимости истребить всѣхъ инородцевъ, каковыхъ разсужденій въ означенной газетѣ не только постоянно, но и никогда не бываетъ, — у всѣхъ посѣтителей выпрашиваетъ деньги на клеенку для стола и эксплоатируетъ сумашествіе монаха. Разсказъ написанъ вообще съ предвзятой мыслью противъ монашества и старается изобразить его въ наихудшемъ видѣ.

И такъ далѣе. Для безпристрастнаго читателя тенденціозность, предвзятыя мысли и нехудожественность большинства такихъ разсказовъ очевидны.

Въ «Веселыхъ похоронахъ» г. Круглова выведена весьма симпатичная — разумная, добрая и сердечная старушка, вдова священника, Агнія Капитоновна, съ необыкновеннымъ тактомъ и доброжелательностью старающаяся уладить несогласіе между родителями и сыномъ. — Положительный же и симпатичный типъ представляетъ выведенная въ этомъ же разсказѣ молодая матушка Трудолюбова,—умная, скромная, степенная, трудолюбивая и хорошая хозяйка.

Особнякомъ отъ бѣлаго, мірского духовенства стоитъ духовенство монашествующее. Но ни клобукъ и мантія, ни монастырскія стѣны не могутъ закрыть и загородить его отъ міра. Міръ, изнемогающій подъ тяжестью страстей, какъ растеніе къ солнцу, тянется къ тѣмъ, кто сумѣлъ сбросить съ себя иго страстей и воплотить въ себѣ, въ большей или меньшей степени, завѣтъ ученія Христа. Разумѣется, и монашествующіе не всѣ бываютъ въ состояніи осуществить и воплотить въ себѣ эти завѣты и подчинить свою волю волѣ Христовой, но тѣ, тысячи кратъ блаженные избранники Божіе, которые сумѣли этого достигнуть,—не только по смерти, но еще при жизни своей являются свѣтильниками, стоящими на верху горы и свѣтящими міру и надъ міромъ. Такими свѣтильниками были всѣ великіе русскіе подвижники-иноки, основатели монастырей, во главѣ съ преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ Кіевскими и Сергіемъ Радонежскимъ. Такіе подвижники не переводились никогда на Святой Руси, есть теперь, будутъ и всегда. И вотъ къ нимъ-то и тянется православный русскій народъ—и простолюдины, и знатные, и простецы, и неграмотные, и интеллигентные, и бѣдные, и богатые—тянутся всѣ, въ комъ не совсѣмъ еще заснула душа, въ комъ не умерло еще желаніе спасти душу; тянутся часто и тѣ, кого выбило изъ житейской колеи, кого изломала и искалѣчила жизнь, кого измучили горе и скорби,—словомъ, всѣ тѣ, у кого не удалась, испорчена жизнь, у кого надорвана, измучена душа. И такъ было всегда. «Иноки, — говорилъ въ одной изъ своихъ проповѣдей епископъ Іоаннъ Смоленскій,—бѣжали отъ міра, а міръ бѣжалъ за ними. Такъ окружались городами и селами наши монастыри. Въ древней же Руси (да и не только Руси) отъ многоразличныхъ житейскихъ скорбей, отъ семейныхъ, общественныхъ, политическихъ и другихъ неурядицъ часто и не было спасенія нигдѣ, кромѣ монастыря. Въ извѣстной древне-русской пѣснѣ о Горе-Злосчастіи это Горе-Злосчастіе, преслѣдовавшее добраго молодца всюду

и ходившее за нимъ по пятамъ, останавливается у воротъ монастыря, куда въ концѣ концовъ уходитъ преслѣдуемый имъ злосчастный молодецъ, и не осмѣливается проникнуть за нимъ туда. И здѣсь, у мощей святыхъ иноковъ-угодниковъ Божіихъ или въ келліяхъ великихъ старцевъ, не только простой духомъ русскій человѣкъ, но весьма нерѣдко изломанный душею и заѣденный скептицизмомъ интеллигентъ, начинаетъ понимать, что жизнь не есть «пустая и глупая шутка» или «даръ напрасный, даръ случайный», невѣдомо зачѣмъ данный, но что она имѣетъ свой—глубокій смыслъ, что она есть подвигъ, для каждаго обязательный, и что и «на казнь осуждена» она бываетъ или по винѣ самого человѣка или во исполненіе непреложныхъ словъ Спасителя: *въ мірѣ скорбни будете.*

Въ художественной русской литературѣ однако мы можемъ указать только одинъ цѣльный и полный типъ православнаго русскаго подвижника, инока-старца. Это—всѣмъ извѣстный типъ старца отца Зосимы въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» Достоевскаго. Но не столь цѣльные и не столь художественные типы русскихъ иноковъ-старцевъ иногда встрѣчаются въ современной русской литературѣ. Таковъ прежде всего романъ Сафонова «Сѣверная Звѣзда» («Русскій Листокъ» 1901 года). Здѣсь, правда, представленъ не типъ, а дѣйствительное лицо—іеросхимонахъ Оптиной пустыни старецъ Амвросій, но такъ какъ онъ выведенъ здѣсь въ рамкѣ романа, то мы можемъ разсматривать его какъ литературный типъ.

Герой романа—интеллигентный молодой человѣкъ, сынъ богатаго помѣщика, Боярскій, увлекшійся цирковой канатной плясуньей. Ради нея онъ бросаетъ службу и отправляется странствовать вмѣстѣ съ циркомъ. Случай разъединяетъ ихъ, и Боярскій мало-по-малу освобождается (хотя, какъ оказывается послѣ, не совсѣмъ) отъ этого кошмара и даже женится на хорошой и красивой дѣвушкѣ изъ интеллигентной помѣщичьей семьи, дѣвушкѣ, которую полюбилъ. Но случайно, въ монастырѣ, онъ видитъ пред-

метъ своей прежней страсти, и эта страсть вспыхиваетъ въ немъ съ прежнею силою, такъ что онъ даже бросаетъ жену. И только вмѣшательство и усилія Амвросія вновь освобождаютъ его отъ этого кошмара и возвращаютъ къ женѣ.

Дѣйствіе въ романѣ происходитъ между прочимъ въ городкѣ близъ монастыря, гдѣ живетъ Амвросій. Боярскій съ женою пріѣзжаютъ въ монастырь просто погулять (Боярскій человѣкъ почти невѣрующій). Гуляя по монастырскому саду, они видятъ около купы розъ старичка-монаха, котораго принимаютъ за монастырскаго садовника. Старичокъ—маленькій, худенькій, въ бѣломъ подрясникѣ, простой, ласковый, тихій и разумный. Онъ вступаетъ съ Боярскими въ разговоръ, даритъ имъ цвѣты, зоветъ къ себѣ (они отказываются, отговариваясь недосугомъ) и въ разговорѣ съ ними предостерегаетъ ихъ отъ мірской суеты, разсказавъ имъ объ одномъ «застроившемся» баринѣ. Въ этотъ же вечеръ Боярскій видитъ предметъ своей прежней страсти, а на утро узнаетъ о самоубійствѣ одного полусумасшедшаго монаха. Потрясенный, разстроенный, близкій къ сумасшествію, Боярскій спѣшитъ въ монастырь, чтобы увидать великаго Амвросія. Но ему хотѣлось бы «увидать вмѣсто прославленнаго на всю Россію духовника Амвросія, предъ величавымъ обликомъ котораго, созданнымъ въ его воображеніи, онъ робѣлъ, вчерашняго садовника, маленькаго старичка въ бѣломъ подрясникѣ, такого простого, тихаго, разумнаго... Онъ не могъ еще забыть ощущенія теплоты и ласки, которое испытало его сердце, когда старичокъ, простой монахъ, глядѣлъ на него, улыбаясь такъ, какъ улыбается отецъ ребенку, и разсказывалъ о «застроившемся» баринѣ. Амвросій, суровый подвижникъ, аскетъ, которому даже монахи исповѣдуютъ свои тайные помыслы и открываютъ святая-святыхъ души... Амвросій, великій сердцевѣдецъ, имѣющій невѣроятную власть надъ милліонами вѣрующихъ и съ сознаніемъ своей власти, данной ему не людьми, а Богомъ, какъ по-

нималъ онъ и эти милліоны... Предъ такой невѣроятной высотой даже атеистъ сниметъ шапку... Но истерзанному сердцу Боярскаго хотѣлось теперь не подавляющей святости, не величія подвижника, предъ которымъ падаютъ ницъ, а простоты, нищеты, тишины»...

Боярскаго провели къ тому самому домику, у котораго они бесѣдовали наканунѣ съ садовникомъ. «Келья Амвросія была мала. Ее сразу и примѣтить было нельзя. Здѣсь живетъ тотъ, предъ которымъ склоняется въ благоговѣйномъ трепетѣ цѣлый великій народъ, — подумалъ Боярскій»... Но вотъ на порогѣ кельи появился самъ Амвросій... «Боярскій посмотрѣлъ на великаго монаха, котораго даже теперь, при жизни, считали святымъ, и обомлѣлъ: предъ нимъ стоялъ вчерашній садовникъ, тотъ самый простой монахъ, который такъ скромно, такъ естественно говорилъ и даже звалъ къ себѣ. Вотъ почему глаза этого простого монаха проникали въ душу!.. Вотъ чѣмъ покоряется другое существо! Не театральностью, не декламаціей, а простотой, тайну которой дано постигнуть только немногимъ. И вспомнилъ Боярскій слова этого великаго старца «о простотѣ» и все понялъ. Съ порывомъ, который еще вчера показался бы ему смѣшнымъ, Боярскій подошелъ къ Амвросію и сказалъ:

— Благослови меня!..

Вмѣсто отвѣта монахъ прижалъ его голову къ своей груди. Если бы въ эту минуту Боярскій могъ что-нибудь видѣть и слышать, онъ увидѣлъ бы, что маленькій старичокъ поднялъ глаза къ небу, и услышалъ бы, что этотъ маленькій старичокъ просилъ у Верховнаго Существа милости для заблудившагося и тоскующаго ребенка. Но Боярскій ничего не видѣлъ и не слышалъ. Все его существо переполнилось однимъ ощущеніемъ радости, несказаннаго счастія, силы, свѣта... Откуда это пришло? Отчего сразу, отъ одного прикосновенія бѣднаго, отрекшагося отъ міра старика прояснилось небо, зацвѣли цвѣты и зазвучалъ въ душѣ ангельскій хоръ: «Слава въ Вышнихъ Богу!»

Послѣ краткаго разговора Амвросій вводитъ Боярскаго въ свою келью.

«Помѣщеніе духовника Амвросія, въ которомъ перебывалъ не одинъ десятокъ тысячъ вѣрующаго, колеблющагося и просто невѣрующаго, празднаго народа, состояло изъ двухъ горницъ. Первая, довольно просторная, имѣла два окна, выходившихъ въ палисадникъ, гдѣ росли розы... Здѣсь было свѣтло и ясно. Мебель стояла самая необходимая: краснаго дерева диванъ, два такихъ же кресла, шкафъ, гдѣ на верхней полкѣ стояли книги духовнаго содержанія, а внизу—чашки, чайникъ, сахарница и другіе предметы немудренаго монашескаго обихода. Въ красномъ углу съ любовью и тщаніемъ были помѣщены образа, безъ всякаго порядка,—бѣдные, кустарнаго производства, рядомъ съ облеченными въ богатѣйшія ризы, усыпанныя самоцвѣтными каменьями и жемчугомъ. Великій Амвросій относился одинаково ко всѣмъ и когда размѣщалъ свои иконы, то хлопоталъ о томъ, чтобы всѣмъ имъ хватило мѣста. Люди несли ему со всѣхъ концовъ Россіи безконечное количество образовъ и образковъ. Многое онъ раздавалъ, благословляя, но кое-что оставлялъ и у себя. Красный уголъ его кельи былъ настоящимъ иконостасомъ.

Во второй комнатѣ, гдѣ онъ почивалъ, былъ только одинъ образъ Богородицы. Имъ когда-то благословила юношу, порывавшагося къ духовному подвигу, мать, обливаясь слезами. И не было у будущаго великаго духовника, умѣющаго выслушать богатаго и бѣднаго, умнаго и глупаго,—не было у него святѣе этой святыни. Вѣрилъ онъ въ Предвѣчнаго... входилъ съ великимъ страхомъ и трепетомъ въ храмъ и преклонялся и молился... Пряма и чиста была душа его предъ Господомъ, Какого онъ зналъ и Какому вѣровалъ. Но святѣе всего былъ для этого подвижника образокъ, врученный ему матерью, когда она отдавала своего ребенка Богу. Не понимала въ то время эта мать, что значитъ посвятить себя служенію церкви.

Не могла вмѣстить она понятія о всей тяготѣ, какая выпадаетъ на долю слугъ Божіихъ... И плакала эта старушка, благословляя на подвигъ чадо свое... Въ тяжелыя, очень тяжелыя мгновенія своего бытія... послѣ ужаснаго дня, послѣ невѣроятныхъ съ нашей точки зрѣнія лишеній, трудовъ... прославленный на всю православную Россію монахъ приникалъ съ тихими слезами къ этому образку. И видѣлъ онъ свою молодость и видѣлъ онъ тотъ свѣтлый день (да будетъ онъ благословенъ), когда мать, плача, отпустила его служить Господу Богу, Ему же честь, слава и поклоненіе во вѣки вѣковъ...

Боярскій вошелъ въ келью Амвросія, весь охваченный особымъ трепетомъ, особымъ волненіемъ, какое знаютъ только безумцы, кинувшіе отчій домъ и послѣ долгихъ-долгихъ несчастныхъ и мучительныхъ лѣтъ вернувшіеся къ нему... Сейчасъ на груди у бѣднаго стараго монаха онъ извѣдалъ настоящую радость, душа его проснулась... А великій Амвросій смотрѣлъ на Боярскаго своими свѣтлыми печальными глазами и тихо улыбался... Амвросій преобразился... Святыня православнаго народа стояла предъ Боярскимъ: изъ маленькаго старичка чудомъ превратился Амвросій въ величественнаго старца. Его голосъ зазвучалъ такъ, что если бы мертвому сказать: возстани!— мертвый бы возсталъ...

Садись вотъ сюда,—сказалъ Амвросій, взявъ Боярскаго за руку,—и выскажи мнѣ, что̀ тебя мучаетъ...

Боярскій опустился въ кресло. Новое ощущеніе переполнило его существо. Теперь онъ зналъ, что Амвросій его дѣйствительно пойметъ, что не будетъ никакихъ цитатъ и жалкихъ словъ, что дѣйствительный мыслитель, настоящій человѣкъ, настоящій умъ говоритъ съ нимъ и будетъ говорить литературно, языкомъ самого Боярскаго. Даже интонація, манера произносить слова перемѣнилась у монаха. Вотъ это было въ самомъ дѣлѣ чудо»...

Тѣмъ не менѣе убѣжденія и разъясненія Амвросія на этотъ разъ не дѣйствуютъ на Боярскаго. Онъ съ тою же

растерзанною душою и возмущеннымъ сердцемъ выбѣгаетъ изъ кельи Амвросія и уѣзжаетъ изъ монастыря.

На нѣкоторое время онъ опять возвращается къ женѣ, но затѣмъ опять бросаетъ ее и мчится «чрезъ всю Россію въ скромный монастырь, гдѣ когда то бесѣдовалъ съ великимъ монахомъ Амвросіемъ. Одна только мысль мучила его: живъ ли старецъ? Если онъ живъ, — онъ все пойметъ и научитъ, что дѣлать...

Амвросій былъ еще живъ. Если бы онъ умеръ, — объ этомъ узнала бы вся православная Россія. Такой же худенькій и маленькій, такой же необычайно простой встрѣтилъ онъ Боярскаго»... Послѣ новыхъ увѣщаній Амвросій предлагаетъ Боярскому пожить нѣкоторое время у нихъ въ монастырѣ. Боярскому даютъ уединенную, тихую, чистую келью, служку, присылаютъ ѣду и оставляютъ пока въ совершенномъ покоѣ. Даже Амвросій не заходитъ къ нему, но Боярскій, поглощенный своей душевной борьбой и погруженный въ свои мысли, даже не замѣчаетъ этого. Ему также тяжело. На аналоѣ въ его кельѣ предъ лампадой лежитъ старая псалтирь. «Много чистыхъ предъ Господомъ рукъ перелистывали эти страницы, и съ теченіемъ времени великая книга, одна изъ тѣхъ, какія пишутся въ нѣсколько тысячелѣтій разъ, приняла обветшалый видъ».

Чрезъ нѣкоторое время въ келью Боярскаго неожиданно приходитъ Амвросій и, послѣ новыхъ увѣщаній, предлагаетъ ему почитать этою ночью въ монастырской церкви псалтирь надъ умершимъ монахомъ, — почитать одинъ только часъ, но со вниманіемъ и не развлекаясь. Боярскій охотно соглашается и съ наступленіемъ ночи идетъ въ церковь, гдѣ остается одинъ съ покойникомъ. Двери церкви затворяются. Боярскій начинаетъ читать, но та же буря продолжаетъ бушевать въ душѣ его. Мало-помалу на него нападаетъ страхъ, но онъ преодолѣваетъ его и громко читаетъ:

«Душе моя, душе моя, возстани, что спиши? Конецъ приближается, и нужда ти молвити...

Явственно, будто изъ глубины темнаго храма, прозвучали ему напутственныя слова Амвросія:

— Читай надъ умершимъ братомъ нашимъ со вниманіемъ, не развлекаясь, вглядываясь въ смыслъ того, что̀ предъ тобою...

Дошедшій до послѣдняго предѣла нервнаго напряженія, весь — трепетъ, Боярскій еще разъ остановился. Волосы зашевелились на его головѣ... Вѣдь эти слова, произнесенныя сейчасъ, обращены и къ его душѣ. Душа у него дѣйствительно спала до сей минуты. Гдѣ она блуждала? Какія мысли, какія чувства обуревали его существо? Зачѣмъ былъ этотъ ужасъ, который можно было бы побороть однимъ могучимъ усиліемъ воли? Между тѣмъ—вмѣсто того, чтобы воспитывать волю, онъ развращалъ ее. Онъ часто грязнилъ, завѣдомо грязнилъ свое воображеніе нечистыми помыслами и довелъ себя до того, что даже здѣсь, у гроба этого покойника стоитъ въ душѣ его цирковая плясунья»... Только теперь онъ понялъ всю чудовищность своего послѣдняго поступка. Вѣдь онъ оставилъ свою жену, любящую его жену, совершенно безпомощной, одинокой. Что̀ съ ней теперь, даже — жива ли она теперь?.. «Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что онъ дѣлаетъ, Боярскій, какъ безумный, кинулся вонъ изъ храма»... На паперти стояли Амвросій и еще какой-то монахъ.

«Какъ только на порогѣ показался блѣдный, съ блуждающими глазами, трясущійся Боярскій, монахъ, повинуясь взгляду Амвросія, низко поклонился и пошелъ въ храмъ, чтобы продолжать чтеніе псалтири надъ усопшимъ братомъ».

Амвросій, взявъ Боярскаго за руку, какъ ребенка, привелъ его въ его келью. Тамъ «заботливѣй отца уложилъ его въ постель, заставилъ напиться горячаго чаю, перекрестилъ,—и Боярскій мгновенно заснулъ глубокимъ, безмятежно-спокойнымъ сномъ ребенка, безъ сновидѣній. Въ первый разъ за долгіе дни его душа и тѣло отдыхали»...

Съ радостнымъ чувствомъ проснулся на другой день Боярскій. На душѣ его было легко и спокойно. Вошелъ Амвросій и, послѣ нѣсколькихъ кроткихъ упрековъ, отворилъ дверь кельи. За нею стояла жена Боярскаго.

Подобный о. Амвросію старецъ выводится уже какъ типъ въ разсказѣ В. Мировича «Отецъ Варсонофій» (*Русское Слово* 1902 года). Разсказъ написанъ въ видѣ разговора въ желѣзнодорожномъ вагонѣ богомольцевъ, возвращающихся отъ отца Варсонофія, и отъ лица интеллигента. Интеллигентъ прежде всего вспоминаетъ, какъ онъ самъ, будучи еще студентомъ, съ нѣсколькими товарищами, во время экзаменовъ поѣхалъ къ о. Варсонофію,— отчасти—чтобы освѣжиться и отдохнуть, отчасти—«психологически» интересуясь о. Варсонофіемъ. Но о. Варсонофій не принялъ студентовъ.

— «Я помню, — вспоминаетъ авторъ,— какъ онъ ласково пригласилъ столпившихся на крылечкѣ бѣдно одѣтыхъ людей и двухъ-трехъ женщинъ войти въ келью и какъ пристально, проницательно взглянувъ на насъ, спросилъ:

— А вамъ, почтенные, что̀ угодно?

Мы смутились, переглянулись, и одинъ изъ насъ, покраснѣвъ, бойко сказалъ:

— Мы тоже за благословеніемъ, батюшка.

— Тоже? — переспросилъ онъ, неожиданно улыбнувшись чудесной, прозрачной улыбкой, въ которой не пропала однако неуловимая, но несомнѣнная тѣнь насмѣшливости. Ну, что жъ? Богъ васъ благословитъ!

И рѣшительно уходя отъ насъ, онъ у двери обернулся и съ небрежною ласковостью прибавилъ: погуляйте, отдохните... Заучились. Въ лѣсу нынче ягоды много. Изъподъ корней вода чистая, какъ слезинка, бѣжитъ... кто пить хочетъ...

Мы молча ушли, и намъ было какъ-то не по себѣ и все хотѣлось искать въ его словахъ особеннаго, таин-

ственнаго смысла... Отчетливо и свѣжо поднялось предомною впечатлѣніе лѣсной прохлады, высокихъ сосенъ, старой кельи, въ сторонѣ отъ тихаго монастыря, и блѣдное и умное, свѣтлое и странно-молодое лицо съ небольшой сѣдой бородкой и падающими до плечъ сѣдыми вьющимися волосами»...

«...Стоятъ подъ крылечкомъ бѣдные и богачи — такъ онъ, батюшка, спервоначала нищую братію опроситъ каждаго: «что тебѣ, Христовъ человѣкъ? что тебѣ Христовъ человѣкъ?»

— Праведникъ! На высшихъ ступеняхъ отъ Бога»...

Отрывки такихъ разговоровъ несутся со всѣхъ концовъ вагона.

Публика въ вагонѣ разнообразная. Женщина-малороссіянка, повидимому, мѣщанка, съ радостными слезами разсказываетъ о томъ, что̀ ей сказалъ отецъ Варсонофій. Она вдова; пасынокъ беззаконно отнялъ у нея хату, а ее выгналъ. Братъ посовѣтовалъ ей съѣздить къ о. Варсонофію:

— «Иди, сестра, до Божьяго чоловика; що винъ скаже, то и буде: бо винъ знае,—сказалъ братъ.—Прихожу я до его, плачу, якъ ріка льется. А винъ, глянувъ на мене, та и говоритъ:

— Чого плачешь? Тобі, жінка, ничого не треба. Возми палку въ руки, та и иди, и иди, и иди»...

И женщина сбивчиво, не умѣя подыскать выраженій, разсказала, что отецъ Варсонофій сразу прочелъ въ ея душѣ, что̀ ей дѣйствительно нужно и о чемъ сама она всю жизнь не сумѣла догадаться, — «что она всю жизнь бранилась, сердилась, мучилась среди хозяйственныхъ занятій, казавшихся ей неизбѣжными; что она то порою пила отъ непонятнаго ей чувства тоски, то потихоньку отъ мужа отдавала странникамъ рубли изъ своихъ сбереженій и плакала отъ ихъ разсказовъ про гробъ Господень и про Соловецкіе острова». Она понимаетъ теперь, что ей не судиться съ пасынкомъ изъ-за хаты нужно, а

идти странствовать по святымъ мѣстамъ, куда давно рвется ея душа.

Печальная дама въ глубокомъ траурѣ, у которой въ одинъ годъ умерли мать, мужъ и ребенокъ, разсказываетъ:

— «Вхожу я къ нему и говорю: не могу, святой отецъ, спать, не могу плакать, все забыла, какъ зовутъ меня не помню. А онъ положилъ мнѣ руку на голову и говоритъ:

— Будешь и спать, будешь и плакать.—А потомъ помолчалъ, долго такъ молчалъ и, наконецъ, сказалъ: Была на землѣ Мать. Былъ Сынъ. Сына люди распяли, и Мать всю ночь стояла у креста.—И больше ничего не сказалъ, только благословилъ. Я тогда не поняла, къ чему это, а теперь понимаю»...

— «Онъ все такъ-то... притчами—боязливо и печально сказала толстая купчиха, все время вслушившаяся въ разговоръ... Мы вотъ тоже ѣздили къ нему, батюшкѣ, за благословеніемъ и посовѣтоваться кое о чемъ... да не удостоились. Напрасно ѣхали, говоритъ: я этихъ дѣлъ не знаю, какъ сундуки съ добромъ наживать. Мужъ мой (она указала глазами на угрюмаго и сердитаго купца въ длиннополой чуйкѣ) сталъ приставать: одно слово скажите, говоритъ: «погребокъ» или «суровскимъ»? — а онъ, батюшка, и слышать ничего не хочетъ! Чуть ногами не затопалъ. — Подите, подите, говоритъ, изъ пустыни!..—и благословлять не сталъ»...

(Купчиха и ея мужъ ѣздили къ отцу Варсонофію совѣтоваться, какую торговлю имъ выбрать).

— «Да-а — сказалъ старый купецъ — не любитъ онъ, чтобы къ нему съ мірскими дѣлами шли. О душѣ поговорить, о грѣхахъ, или кто въ горести—это онъ никому не откажетъ...

— Нѣтъ, онъ и о мірскомъ совѣтуетъ — оживленно блестя свѣтло-карими глазами, бойко сказала молоденькая дѣвушка, въ дешевой, нарядной шляпкѣ и съ крупными фальшивыми брилліантами въ ушахъ.—Я по себѣ знаю»...

Оказывается, что за дѣвушку (она портниха) сватается

хорошій, степенный и состоятельный человѣкъ, хотя и не молодой, и очень ухаживаютъ молодые люди, которые и ей очень нравятся. Отецъ Варсонофій велѣлъ ей идти за богатаго. «И свадьбу не откладывай. Теперь же вѣнчайся. Тебѣ, говоритъ, при капиталѣ и при мужѣ надо жить...»

— Ишь ты!—зашептали кругомъ голоса.—А говорятъ—о мірскомъ не совѣтуетъ!

— Ну, какое же это мірское! – громко заговорилъ угрюмый купецъ, высунувшись изъ-за перегородки и смягченными глазами глядя на недоумѣвающее лицо жены.—Тутъ дѣло о гибели души... Это онъ правильно разсудилъ: иди за богатаго. Дѣвочка вотъ какая: быстроглазая, шустрая, наряжается... юнкера ухаживаютъ... А при мужѣ ей прямая дорога будетъ съ дѣтьми, съ мужемъ жить...

И всѣ слушали такъ, какъ будто дѣло идетъ совсѣмъ не о ней, а о томъ загадочномъ кормчемъ, который зналъ, куда держать путь той или другой человѣческой ладьѣ, чтобы не потерпѣть крушенія.

— Онъ все знаетъ,—убѣжденно сказалъ румяный юноша, подходя съ другого конца вагона. Молодое лицо его... приняло выраженіе серьезности и немножко суевѣрнаго страха»... И онъ разсказалъ, какъ сынъ его хозяина, молодой человѣкъ, озорной и вольнодумный, поѣхалъ къ старцу за благословеніемъ жениться, а старецъ велѣлъ ему идти въ монастырь. И молодой человѣкъ присмирѣлъ, сталъ задумываться и дѣйствительно поступилъ въ монастырь, гдѣ вскорѣ и умеръ по христіански.

«Какимъ путемъ — заключаетъ свой очеркъ авторъ—пришелъ этотъ старецъ къ своей странной власти надъ человѣческими душами? Отрекся ли онъ отъ всего или, напротивъ, со всѣмъ проникновеніемъ, всѣми силами духа, до полнаго сліянія со всѣмъ, полюбилъ «все» для того, чтобы придти къ этому дару раздавать жребіи?.. И какое знаніе о жизни и человѣкѣ дало ему эту власть?..»

Разсказъ г. Данилова «Одинокіе» (*Журналъ для всѣхъ* январь и февраль 1902 года) знакомитъ насъ съ іеромонахомъ одного изъ дальнихъ монастырей о. Ефремомъ. Это—благочестивый и добрый монахъ. Нѣкогда, еще будучи мірскимъ человѣкомъ, онъ сильно любилъ одну дѣвушку, которая отвѣчала ему взаимностью, но которую за него не отдали. Поступивъ въ монастырь, онъ неожиданно узнаетъ, что дѣвушка эта—въ женскомъ монастырѣ, находящемся недалеко отъ его монастыря. Прежнія воспоминанія находятъ вдругъ на него съ такою силою, что лишь съ помощью усиленной молитвы и чтенія святоотеческихъ твореній ему удается снова придти въ себя. Между нимъ и его прежнею привязанностью, готовящейся стать монахинею, устанавливаются дружескія, чисто братскія отношенія. Они изрѣдка видятся и, хотя вспоминать и говорить о прежней взаимной привязанности считаютъ уже грѣхомъ, тѣмъ не менѣе съ трогательною заботливостью стараются чѣмъ можно услужить другъ другу.

Положительный же типъ монаха выведенъ, въ лицѣ о. Павлина, и въ разсказѣ г. Мамина-Сибиряка «Любовь куклы» (*Русское Богатство* 1902 года). О. Павлинъ—смиренный, трудолюбивый, кроткій и въ высшей степени доброжелательный монахъ. Самый видъ его необыкновенно кроткій. «Высокій, сгорбленный, съ впалою грудью и длинными натруженными руками. Худое и длинное лицо чуть было тронуто бородкой, изъ-подъ послушнической скуфейки выбивались пряди прямыхъ и сѣрыхъ, какъ ленъ, волосъ... «Обитель у насъ,—разсказываетъ Павлинъ,—небольшая, всей братіи семь человѣкъ, а я восьмой... И обитель совсѣмъ особенная... совсѣмъ въ болотѣ стоитъ, въ водополы или осенью недѣль по шести ни пройти, ни проѣхать. Даже на лодкахъ нѣтъ ходу... Игуменъ у насъ хорошій, строгій и милостивый... Раньше я хаживалъ въ обитель по сапожному дѣлу, ну, а лѣтомъ помогалъ сѣно косить, дрова рубить... Очень мнѣ нравилось тихое монашеское житіе. Мѣсто глухое, предъ обителью озеро...

Когда идетъ служба, такъ по озеру-то далеко несется дивное монашеское пѣніе. Даже слеза прошибаетъ... Такъ-то я лѣтъ пять ходилъ въ обитель, а потомъ отецъ игуменъ и говоритъ: «Павлинъ, оставайся у насъ... Будешь въ міру жить — осквернишься». Я по первоначалу испугался, потому какъ монастырское послушаніе строгое. Боялся не выдержать... Однако о. игуменъ, по добротѣ своей, уговорилъ меня... Потомъ приму окончательный подвигъ, если Господь сподобитъ... Лучше нашей обители нѣтъ... хоть у насъ обитель бѣдная и все на крестьянскую руку»... Подобный же типъ выведенъ въ разсказѣ Наживина «Внѣ міра» (*Русское Богатство* августъ 1902 года).

Въ упомянутомъ уже разсказѣ Данилова «Одинокіе», въ качествѣ главнаго дѣйствующаго лица, выведена рясофорная послушница, въ недалекомъ будущемъ монахиня, Евдокія. Нѣсколько лѣтъ назадъ за нее сватался женихъ, котораго она очень любила, но ее изъ монастыря не пустили, и она смирилась и покорилась, хотя и очень трудно и тяжело это ей было. Теперь она боится даже и вспоминать объ этомъ; тѣмъ не менѣе, когда она вдругъ узнаетъ, что ея бывшій женихъ постригся въ монахи въ находящемся неподалеку мужскомъ монастырѣ, ей досмерти хочется хотя взглянуть на него;—конечно, только не съ какими-нибудь дурными мыслями, которыхъ у смиренной и одной изъ самыхъ степенныхъ во всемъ монастырѣ Евдокіи и быть не можетъ. И она счастлива, когда иногда ей удается повидаться съ отцомъ Ефремомъ (такъ зовутъ въ монашествѣ ея бывшаго жениха), дружески побесѣдовать съ нимъ (въ самомъ невинномъ разговорѣ) и оказать ему какую-нибудь услугу. Вообще же «Евдокія была сравнительно очень довольна своимъ удѣломъ. Въ немъ было два отрадныхъ сознанія: одно, что поприще монахини самое угодное Богу, и другое, что трудные, самые шаткіе годы, уже прожиты ею... Ей было за тридцать

лѣтъ, но когда въ просфорнѣ она стояла за огромнымъ березовымъ столомъ, быстро нарѣзая для просфоръ кусокъ тѣста на совершенно ровныя девять частей (такъ быстро, что казалось, что она рубитъ ножомъ какъ попало)—она на видъ была моложе новенькихъ самыхъ молодыхъ послушницъ. Чистыя лица бѣлокурыхъ женщинъ съ голубыми глазами часто очень моложавы, особенно при такой правильной, однообразной жизни, какова жизнь монастырская. Евдокію нельзя было назвать красивою, но въ ея профилѣ выражалось какое-то благородное спокойствіе: у нея была пріятная улыбка, заботливая и ласковая, и откровенный взглядъ. Богомольцы въ церкви любили обращаться къ ней съ разспросами; все ея существо дышало чисто монастырскимъ одушевленіемъ; она боялась всѣхъ, отъ кого какимъ бы то ни было образомъ зависѣла... и на послушаніи была удивительно смиренна и безотвѣтна»...

Въ длинные зимніе вечера, когда послушаніе кончалось, Евдокія любитъ работать у себя въ кельѣ. «Она знаетъ, что никто въ это время не позоветъ, не потревожитъ, никто не зайдетъ; она укрѣпитъ восковой церковный огарокъ на свой станокъ и такой соткетъ за это время шелковый поясъ, что потомъ и не помнитъ, когда выткала на немъ слова тропаря, именно такіе, какъ надо было. Съ нѣкоторыхъ поръ она брала заказы только на пояски съ молитвою, послѣ того, какъ разъ, во время ужасной нужды, она согласилась выткать для кого-то на заводъ большой поясъ съ «нестерпимо любовными», какъ она говорила, словами и получила за него рубль. Этотъ рубль, превращенный въ кофе и булки, долго послѣ этого томилъ ее угрызеніями совѣсти; она была увѣрена, что знай кто нибудь изъ старшихъ, никто бы ее не благословилъ на такое рукодѣлье»...

Ранѣе она была послушницею при старицѣ Іоаннѣ, которой была предана всей душою и служила съ необыкновеннымъ усердіемъ. Ухаживала за нею въ болѣзни, и «обѣ онѣ нуждались, потому что хотя мать Іоанна была дво-

рянка и получала пенсію, но послѣ пострига пенсія ея прекратилась, а работать она была слишкомъ слаба. Даже пріятно было Евдокіи вспомнить, что она продала свою воскресную рясу и стала праздничную надѣвать по воскресеньямъ, а матери Іоаннѣ говорила, что это игуменья присылаетъ ей молоко, чай и булки. И проѣдая ея рясу и не зная этого, какъ утѣшалась этимъ ея старица, съ какою порабощающею ее добротою она говорила: «Дуняша, помнишь, ты любила стоять около меня на колѣняхъ. Стань, душенька, теперь поближе ко мнѣ и прочитай акаѳистъ Сладчайшему Іисусу!..» Когда мать Іоанна скончалась, Евдокія по нѣскольку разъ стала ходить на ея «родную» могилку читать псалтирь. Когда она узнала, что ея бывшій женихъ овдовѣлъ, она страшно горевала. «Ничто не могло бы ее разувѣрить, что между ея страданіями, которыхъ она въ себѣ даже не замѣчала, и смертью жены ея бывшаго жениха, есть какая-то связь. «Это моя печаль убила молодую, нѣжную его подругу!»— говорила она себѣ, рыдая по ночамъ, когда никто не могъ подстеречь ея слезъ»... И она убивалась до того, что едва не схватила чахотки. Мало по-малу «жизнь съ ея постоянной работой, съ мелкими ежедневными заботами, съ нуждой, уносила ее впередъ, незамѣтно для нея самой, и для всѣхъ невѣдомо у нея явилось, можетъ быть, слабое, но искреннее утѣшеніе: это старица моя, мать Іоанна, оберегаетъ меня оттуда, голубушка моя!.. Евдокія уже не спрашивала себя: какъ я это перенесу? какъ я буду послѣ жить? — Ужъ какъ Богу угодно. Эти слова имѣли надъ нею необычайную силу.—Только-то всего,—говорила она, живя въ избѣ съ сестрами въ осеннюю сырость и тяжело работая съ утра до вечера... Однажды въ лѣсу она вдругъ увидала, что чрезъ дорогу, не больше, какъ саженяхъ въ двухъ отъ нея, медленно идетъ старая сивая медвѣдица; остановилась, осмотрѣлась и пошла себѣ дальше. Евдокія не больше испугалась, какъ если бы прошла корова...—

Спаси-то Господи матушку игуменью!» — только и говорила она...

Тому же г. Данилову принадлежатъ еще два очерка изъ быта женскихъ монастырей: «Игуменья Рахиль» (неоконченный, по случаю прекращенія журнала; «Книжки Недѣли» январь 1901 года) и «Отъ свѣта къ свѣту» («Историческій Вѣстникъ» май 1901 года).

Игуменья Рахиль игуменьей еще недавно. «Она, разумѣется, не занималась своею наружностью... но когда она стояла на своемъ парадномъ настоятельскомъ мѣстѣ съ высокимъ посохомъ, вставлявшемся въ особыя петли у кресла, ея благородная осанка и всегда нѣсколько задумчивое выраженіе ея еще свѣжаго, тонкаго лица обращали на себя вниманіе всѣхъ. Черный бархатъ ея высокой камилавки, такъ идущій къ нѣжному лицу, пышный, до полу падающій съ нея газъ, опущенные, широкіе, какъ у священника, рукава рясы—все это шло къ ея высокому росту и блестящимъ глазамъ. Она стояла въ церкви на виду у сотни глазъ, и это ее стѣсняло; невольно про себя вздыхала она по темнымъ уголкамъ церкви, гдѣ, бывало, незамѣтно ни для кого и обильно текли слезы, и съ умиленіемъ стремилась къ Богу душа. Къ тому же прежде, простой монахиней, она, хотя и въ отчаяніи отъ своего нерадѣнія, но могла уходить до конца службы, если уставала, а теперь должна была, подавая собою примѣръ, уходить изъ церкви послѣдней, и ея появленія ждалъ священникъ, чтобы начинать»...

«Рахиль была еще слишкомъ молода для игуменства, но, по монастырскимъ уставамъ, исключеніе иногда допускается, какъ было и съ нею... Прошелъ годъ послѣ ея поставленія въ игуменьи, начался второй; сначала все было тихо. Рахиль не оправилась еще послѣ смерти игуменьи, которую безгранично любила, и не осмотрѣлась еще въ томъ хаосѣ, который, подъ видомъ управленія монастыремъ, опустился тяжелымъ бременемъ на ея плечи»...

Но потомъ настоящимъ образомъ принялась за дѣло. «Первая убѣдилась въ этомъ старая трапезная экономка Евстолія, когда, въ одно праздничное и для нея нерадостное утро, игуменья, придя обѣдать въ трапезу, обошла сама всѣ столы и увидала, что чернорабочимъ послушницамъ вмѣсто положенной порціи рыбы положены одни рыбные хвосты»... Послѣ строгаго выговора, полученнаго отъ игуменьи, Евстолія стала уже осторожнѣе. Вскорѣ послѣ того игуменья стала требовать чистоты всюду, «и въ ея пріятномъ музыкальномъ голосѣ слышна была властная нотка... Потомъ разъ въ утреню игуменья послала къ двумъ-тремъ манатейнымъ монахинямъ узнать, почему ихъ нѣтъ въ церкви, и послѣ этого долго всѣ, при встрѣчѣ, молча и вопросительно переглядывались, а по кельямъ шепталисъ и судили, покачивая головами. Никогда еще ничего такого не бывало. Но... за то какъ это все было трудно для самой игуменьи... Непохоже было это время на тѣ два года до игуменства, когда, послѣ постриженія въ мантію, она выходила изъ кельи только къ церковнымъ службамъ или къ больнымъ сестрамъ, а за воротами почти ни разу ни была, кромѣ рѣдкихъ поѣздокъ по дѣламъ монастыря... Тѣ два года были самымъ счастливымъ, самымъ безмятежнымъ временемъ за всю ея жизнь...—Зачѣмъ,—иногда спрашивала она себя, не сознавая ни горечи, ни ропоту въ своихъ словахъ,—Господу угодно было вызвать меня опять изъ глубокаго, тихаго самосозерцанія на эту хлопотливую жизнь?.. Въ прежніе годы она вела дневникъ. Теперь уже не было возможности не то что вести дневникъ: этого и не хотѣла она — ея личная жизнь давно угасла и навсегда,—но просто даже заглянуть въ толсто переплетенную тетрадь, которой она дала названіе «Умиленіе падшей души» и любила записывать въ нее какія-нибудь изреченія... Когда впервые за ея игуменство постригали въ рясофоръ монахинь (рясофоръ — это только лишь малое постриженіе), она волновалась до такой степени, что никому изъ новопостриженныхъ не смогла на-

дѣть какъ слѣдуетъ на голову апостольникъ... Отвѣтственность за новыхъ монахинь потрясала игуменью до глубины сердца. Дрожащими руками подавала она имъ четки и принимала ихъ самихъ отъ монастырскаго духовника, который ихъ постригалъ, какъ новую обязанность и новое святое дѣло, и когда онъ, по окончаніи этого обряда, счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ: «Мать игуменья, я вручаю тебѣ этихъ новоначальныхъ, ты отвѣчаешь за нихъ Богу, блюди ихъ, а вамъ говорю: слушайтесь вашу начальницу, открывайте съ довѣріемъ ваше сердце передъ ней и подражайте ей» — Богъ вѣсть у кого при этомъ обильнѣе текли по лицу крупныя слезы — у нея самой или у монахинь»...

Изъ другихъ монахинь, выведенныхъ, по большей части мимоходомъ, въ этомъ очеркѣ, болѣе обращаютъ на себя вниманіе: Марія, которая по годамъ была уже не молода, «но лицо ея сохранило отраженіе ясной души и почти неземное простодушное и кроткое выраженіе, которое и въ молодости составляло всю прелесть ея миловиднаго лица. Годы проносились надъ нею, почти не задѣвая ее своими темными крылами; игуменья знала, что минуты глубокаго и безпричиннаго унынія не миновали и ее, но въ ея жизни еще не было ничего, о чемъ нельзя было бы сказать всѣмъ». Смарагда—въ высшей степени трудолюбивая монахиня, не боявшаяся никакого дѣла, для которой «жить въ монастырѣ значило работать, что̀ велятъ».

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ очерка «Отъ свѣта къ свѣту» является интеллигентная молодая красавица-дѣвушка, желающая уйти въ монастырь отъ несчастной любви и пока привыкающая въ монастырѣ къ монастырскому обиходу и къ монастырскому укладу жизни. Попутно въ очеркѣ изображаются монастырскіе порядки и впечатлѣніе, какое производятъ они на молодую дѣвушку: красота церковныхъ службъ, внутренняя гармонія, согла-

сіе и единодушіе, взаимная привѣтливость, почтительность, выдержка, сострадательность другъ къ другу, суровые монастырскіе порядки, строгое и тяжелое безпрекословное монастырское «послушаніе», безотвѣтность предъ старшими и въ особенности предъ игуменьей. Не только послѣ всенощной, но даже и послѣ вечерни никто не можетъ выйти изъ кельи на монастырь. Когда однажды на Святкахъ въ монастырь привезли на продажу возъ прекрасныхъ снетковъ, до полсотни монахинь столпилось у воза, и одна изъ нихъ тоже приторговала себѣ снетковъ, но вдругъ замѣтила, что мороженые снетки лежали на возу рядомъ съ мороженымъ гусемъ, и сейчасъ же высыпала ихъ обратно. Трапеза въ монастырѣ скудная и суровая; многія изъ монахинь очень бѣдны, перебиваются кое-чѣмъ и, за неимѣніемъ чаю, пьютъ звѣробой. Мимоходомъ выводится въ очеркѣ игуменья монастыря, мать Ювеналія (родомъ изъ купечества), престарѣлая, но очень еще бодрая, живая и проницательная монахиня, всюду поспѣвающая и все видящая и замѣчающая, практичная, строгая и властная, хотя въ то же время заботливая и иногда снисходительная; и отчасти какъ противоположность ей— ея будущая преемница, мать Евфросинія, «изъ благородныхъ», — родовитая дворянка, былая красавица, съ возвышенною, чистою душой, преданная Богу, молитвенница и подвижница, но не любительница хозяйственной суеты и заботъ,—снисходительная и довѣрчивая. При ней суровость монастырскаго режима и строгости, заведенныя Ювеналіей, уже нѣсколько ослабѣваютъ, но зато и молодыя монахини не имѣютъ уже такого надежнаго и бдительнаго руководства.

Познакомимъ теперь читателей съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производитъ на интеллигентныхъ маловѣрующихъ или даже и совсѣмъ невѣрующихъ людей наше православное богослуженіе и его умилительные и величественные обряды и пѣснопѣнія.

Таковъ прежде всего разсказъ г. Скитальца «Ранняя обѣдня».

...«Позади хора стояла темная толпа народа. Это были все овчинные тулупы, полушубки, поддевки, мужицкія бородатыя лица... Во мракѣ шевелилась и вздыхала таинственная толпа въ полушубкахъ, лаптяхъ и валеныхъ сапогахъ. Неясная и неопредѣленная отъ темноты, она казалась громадной и стихійной и загадочной со своею глубокою и земною жизнью духа, полною нетронутой вѣры...

Волнами тихо, широко и стройно разливалась херувимская пѣснь.

Хора почти не видно было въ темнотѣ, и казалось, что благоговѣйно-тихое пѣніе доносится изъ купола, откуда спускается къ людямъ рой свѣтлыхъ ангеловъ. Они вѣютъ своими серебряными крыльями и несутъ въ этотъ бѣдный міръ, молящійся во мракѣ, что-то прекрасное, чистое и свѣтлое...

Народъ тихо шевелился и осторожно вздыхалъ и казалось, что вотъ сейчасъ таинственная мгла, одѣвающая церковь, разорвется какъ завѣса, и всѣ увидятъ иной міръ, свѣтлый и радостный, полный разноцвѣтныхъ лучей, залитый волнами серебристаго свѣта, прекрасный, какъ это стройное ангельское пѣніе»...

Вмѣсто причастнаго стиха регентъ велѣлъ пѣть Веделевское тріо «Покаянія отверзи ми двери» и задалъ тонъ.

«Пѣвцы замерли на своихъ мѣстахъ. Регентъ плавно шевельнулъ рукой, и они запѣли».

Басъ гудѣлъ стройно, какъ органъ; у перваго тенора былъ нѣжный и мягкій свободный голосъ. «Благородные и трогательные грудные звуки струились свѣтлымъ и чистымъ потокомъ и незамѣтно переходили въ нѣжную фистулу, тихо-тихо замирали, и когда казалось, что они уже замерли, они начинали опять расти, расширяться, опять обращались въ грудные цѣльные и полные звуки и опять замирали. Незамѣтно было, когда онъ переводитъ дыханіе, и голосъ его казался безконечнымъ и безграничнымъ, какимъ-то моремъ звуковъ...

«Отверзи!..»

Повторилъ опять теноръ въ очень высокую, звонкую ноту, подъ густой аккомпаниментъ баса и другого тенора, и уже вспыхнуло въ этомъ звукѣ что-то проникновенное, что сразу передалось всѣмъ...

А молчаливая толпа народа какъ бы замерла и перестала шевелиться, кашлять и вздыхать...

Теноръ пѣлъ и медленно выпрямлялся, устремивъ глаза свои въ куполъ. Онъ сразу какъ бы отодвинулъ на второй планъ остальныхъ пѣвцовъ и къ одному себѣ привлекъ общее вниманіе.

«Храмъ носяй тѣлесный»...

Нѣжно трепеталъ его голосъ.

«Храмъ!»—струннымъ аккордомъ торжественно гудѣлъ басъ.

«Весь... весь... осквернень!..»

Рыдалъ голосъ тенора.

«Осквернень!..»

Глубоко и печально вздыхалъ басъ. И въ толпѣ народа также послышались вздохи. Ихъ было такъ много, что они сливались въ какой-то невнятный шелестъ или дальній шумъ рѣки... Казалось, что вѣтеръ пробѣгалъ по вершинамъ темнаго лѣса, и лѣсъ невнятно шумѣлъ, или гдѣ-то далеко волна тихо приходила къ берегу и умирала на немъ.

«И въ лѣности... и въ лѣности»...

Словно огненнымъ бичемъ ударялъ теноръ и вдругъ высоко зазвенѣлъ съ такою силою, огнемъ, слезами и могучею силою отчаянія, что весь храмъ, казалось, притаилъ дыханіе и слушалъ...

«Все житіе мое... изжихъ»...

Это былъ ужасъ горькаго сознанія, что жизнь изжита безвозвратно и непоправимо...

Отъ этого звука, который вырвался изъ самой глубины души пѣвца, у всѣхъ отозвался въ груди какой-то отвѣтный аккордъ. Рыдающее чувство отчаянія дошло до каж-

даго человѣка и коснулось нѣжныхъ, тайныхъ струнъ его сердца... Словно искрами осыпалъ онъ толпу и долго и нѣжно затихалъ, словно проливая тихія, неутѣшныя слезы.

И вдругъ неожиданно грянулъ какъ громъ:

«Окаянный!»

Въ толпѣ прошла волна вздоховъ.

«Трепещу!..»

Могучимъ ударомъ разразился полный и свѣтлый голосъ, словно это было проклятіе неба...

И тогда весь хоръ, какъ бы придавленный этимъ ударомъ, прошепталъ тихо и страшно, словно низвергнутый въ преисподнюю, съ октавою, едва доходящею изъ бездны, и казалось, что сюда уже доносятся чуть слышные голоса ада:

«Страшнаго... суднаго... дне»...

— Въ этотъ моментъ передняя половина толпы, какъ одинъ человѣкъ, опустилась на колѣна, сама не замѣчая этого, и въ шелестѣ вздоховъ тонкими струйками мелькали всхлипыванія.

А теноръ, преобразившійся, съ глазами, устремленными въ самый верхъ купола, все еще стоялъ съ прижатыми къ груди руками, и голосъ его все замиралъ нѣжнымъ, плачущимъ звукомъ... А безмолвная, колѣнопреклоненная толпа народа, казалось... все еще слушаетъ звуки, которые давно уже умерли подъ темными сводами стараго храма»...

Тотъ же г. Скиталецъ въ разсказѣ «Октава» изображаетъ съ своей точки зрѣнія впечатлѣніе обряда анаѳематствованія въ недѣлю православія (въ воскресенье первой недѣли Великаго поста) или, какъ онъ выражается, примѣнительно къ народному языку, «проклятія»—въ соборѣ губернскаго города.

...«Архіерей, въ сопровожденіи священниковъ и діаконовъ, вышелъ изъ алтаря на средину собора. Онъ стоялъ

тамъ на своемъ возвышеніи, окруженный духовенствомъ, выше всего народа. Драгоцѣнные камни его золотой митры горѣли разноцвѣтными искорками.

Около лѣваго клироса устроенъ былъ высокій помостъ, вродѣ каѳедры, застланный краснымъ сукномъ.

Народъ слился въ тѣсную толпу и замеръ въ какомъ-то таинственномъ ожиданіи. Сдержанный шопотъ, кашель, шарканье ногъ по камню пола гулко плавали подъ куполомъ.

Наконецъ, изъ лѣвыхъ дверей алтаря медленно вышелъ старый протодіаконъ въ бѣлой серебряной ризѣ и съ сѣдыми, тяжелыми волосами, словно вылитыми изъ серебра,— приземистый, сутуловатый и широкій. Лицо у него было огромное, съ крупными и суровыми чертами, все заросшее сѣдою бородой, съ мрачнымъ взглядомъ изъ-подъ огромныхъ сѣдыхъ бровей. Медленно и тяжело, словно чугунный, протодіаконъ съ трудомъ поднялся по ступенямъ на высокій помостъ и положилъ предъ собою тонкую черную книгу.

Въ церкви настала томительная тишина. Сотни людей застыли въ ожиданіи, прижимаясь къ свѣтлой фигурѣ архіерея, окруженной на срединѣ церкви священниками въ бѣлыхъ ризахъ. Казалось, что протодіаконъ будетъ исполнять какую-то тяжелую и суровую обязанность, и мрачный его видъ внушалъ толпѣ безотчетный страхъ. Ярко освѣщенный соборъ, полный народа, сталъ беззвученъ, точно въ немъ никого не было, точно онъ былъ видѣніемъ или картиной.

И вотъ въ этой странной тишинѣ протодіаконъ запѣлъ одинъ громаднымъ и страшно густымъ басомъ печальный, таинственный и странный напѣвъ, отъ котораго вѣяло чѣмъ-то древнимъ. Казалось, что это пѣлъ самъ неумолимый рокъ, судьба, выносящая печальный приговоръ, который ничто не въ силахъ измѣнить. Что то фатальное звучало въ этой несокрушимой убѣжденности.

Онъ пѣлъ:

Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ?
Ты еси Богъ, творяй чудеса...

Волнообразный голосъ его, тяжелый и темный, какъ смола, лился черной и густой массой, печальными полутонами, начавшись съ верхней ноты и постепенно спускаясь книзу. Этотъ голосъ плылъ по огромному собору, наполнялъ куполъ и колыхалъ воздухъ.

Протодіаконъ остановился, провелъ по лицу и бородѣ широкой ладонью, которая вся заросла серебряными волосами, и переждалъ, пока утихнетъ эхо, встревоженное его могучимъ голосомъ. Потомъ онъ опять запѣлъ тотъ же напѣвъ, только топомъ выше:

Кто Богъ велій...

Въ этомъ тонѣ его исполинскій голосъ сталъ похожъ на огромную грозовую тучу съ отдаленнымъ громомъ, которая надвигается, охватывая небо. Этотъ чугунный, грохочущій голосъ, печальный и мрачный, былъ твердъ и тяжелъ: казалось, что его можно было ощупать руками въ воздухѣ, и что, дойдя до человѣка, онъ прижметъ его къ стѣнѣ и раздавитъ.

Протодіаконъ опять остановился и ждалъ, когда утихнетъ эхо.

Въ третій разъ онъ запѣлъ еще на тонъ выше, все съ такими же печальными и странными полутонами. Этотъ громадный и страшный вопросъ о Богѣ грянулъ теперь грозно и сокрушающе, наполнивъ собою весь соборъ. Отвѣтомъ на него было только могучее, неумолкающее эхо, и, когда оно успокоилось, снова настала тишина.

Тогда протодіаконъ вынулъ золотые очки, надѣлъ ихъ и развернулъ черную книгу.

Вѣрую во Единаго Бога Отца...

Крѣпко отчеканивая каждый слогъ, началъ онъ читать громовымъ и торжественнымъ голосомъ. Каждое слово его тяжело падало въ воздухъ...

Когда протодіаконъ кончилъ громоподобное чтеніе Символа вѣры, снова наступила тишина, и онъ опять запѣлъ первопачальный мрачный и зловѣщій (?) напѣвъ, построенный изъ полутоновъ:

Сія вѣра истинная.
Сія вѣра апостольская.
Сія вѣра православная...

Теперь протодіаконъ какъ бы кончилъ утвержденіе вѣры и приступилъ къ вопросу о тѣхъ, кто уклонился отъ нея.

Онъ опять развернулъ книгу и началъ читать, размѣренно отчеканивая слова, словно прибивалъ ихъ гвоздями.

Утверждающимъ, что Марія Дѣва не была Дѣвою...— сурово и гнѣвно неслось по собору.

Протодіаконъ перевелъ духъ и грянулъ уже во всю силу, вдвое громче, чѣмъ до этихъ поръ, голосомъ, который страшно было слушать:

Анаѳема!..

Отъ этого возгласа все какъ бы колыхнулось въ соборѣ.

Изъ тысячи грудей народа вылетѣлъ общій вздохъ, испуганный и печальный.

А въ это время архіерей и священники запѣли всѣ въ унисонъ, словно зарыдали:

Анаѳема! Анаѳема! Анаѳема!..

Потомъ запѣлъ архіерейскій хоръ, жалобно и грустно повторяя то же самое слово:

Анаѳема! Анаѳема!..

А протодіаконъ опять загремѣлъ колыхающимся, огромнымъ голосомъ:

Утверждающимъ, что Іисусъ Христосъ не былъ Сыномъ Божіимъ...

Гулъ ужаса прошелъ въ толпѣ.

Анаѳема!

И опять все колыхнулось, и священники жалобно запѣли въ унисонъ, и снова откликнулся хоръ.

Сомнѣвающимся...—сурово загремѣлъ протодіаконъ—въ бытіи Божіемъ...

Гулъ въ толпѣ возросталъ все болѣе и болѣе.

Анаѳема!..

Въ толпѣ пробѣжалъ какой то странный жалобный ропотъ, общій стонъ, послышались всхлипыванія, кто-то истерично вскрикнулъ, у стоявшихъ впереди слезы текли по лицу.

Анаѳема! — неумолимо и сурово гремѣлъ ужасный голосъ, какъ раскатъ грома, потрясающій небо. Соборъ наполнился этимъ раскатомъ, и ударъ его съ трескомъ разрядился въ куполѣ. Казалось, что куполъ валится.

Надъ толпой пронесся гулъ плача и ужаса»...

Приведенный отрывокъ интересенъ въ томъ отношеніи, что ярко показываетъ, какъ поверхностно и ошибочно толкуютъ православное богослуженіе наши невѣрующіе интеллигенты, не желающіе вникнуть и понять его внутренній и таинственный смыслъ и повторяющіе, что трогательный въ сущности и имѣющій глубочайшій смыслъ обрядъ «анаѳематствованія», т.-е. отлученія отъ Церкви невѣрующихъ, еретиковъ и нежелающихъ покориться ей,—совершающійся въ недѣлю православія для огражденія православной Церкви и ея чадъ отъ духовныхъ волковъ, нерѣдко приходящихъ «въ одеждѣ овчей»,—есть какое-то «проклятіе».

Такое же сильное и неизгладимое впечатлѣніе производитъ иногда, совершенно противъ его воли, на невѣрующаго интеллигента и церковная живопись. Въ отрывкѣ г. Вересаева «Мать» (*Журналъ для всѣхъ* декабрь 1902 года) изображено впечатлѣніе, произведенное на такого интеллигента знаменитою Сикстинскою Мадонною Рафаэля.

Интеллигентъ пріѣхалъ въ Дрезденъ. Нельзя не посмотрѣть прославленной картины. Но по тѣмъ снимкамъ съ нея, какіе онъ видѣлъ раньше, картина ему рѣшительно не нравится, и онъ неохотно, съ заранѣе приготовленной насмѣшкой, съ непріятнымъ, почти враждебнымъ чувствомъ, входитъ въ комнату. «Я зналъ—пишетъ онъ—я буду почтительно стоять предъ нею и всматриваться безъ конца и стараться натащить на себя соотвѣтствующее настроеніе, а задорный бѣсенокъ будетъ подсмѣиваться въ душѣ и говорить: ничего нѣтъ хорошаго! Какая-то елейная божественность, и больше ничего!»

И вотъ *она*!.. «И вдругъ—незамѣтно, нечувствительно—все вокругъ какъ будто стало исчезать. Исчезли люди и стѣны, исчезъ вычурный иконостасъ... И среди этого тумана ярко выдѣлялись двѣ фигуры—Младенца и Матери, и передъ жизнью ихъ лицъ все окружающее было блѣднымъ и мертвымъ... Онъ, сжавъ губы, большими, страшно большими и страшно черными глазами пристально смотрѣлъ поверхъ нашихъ головъ вдаль. Эти глаза видѣли тамъ все: видѣли вставшихъ на защиту порядка фарисеевъ, и предателя-друга, и умывающаго руки судью, и народъ, кричащій: «Распни, распни Его!..» Онъ видѣлъ этимъ проникающимъ взглядомъ, какъ Онъ будетъ стоять подъ терновымъ вѣнцомъ... избитый плетьми... И рядомъ съ нимъ Она, съ круглымъ, дѣвическимъ лицомъ, серьезная, со лбомъ, отуманеннымъ дымкою предчувствія. Я смотрѣлъ, смотрѣлъ, и мнѣ казалось, что Она живая, и дымка то надвигается, то сходитъ съ Ея молодого, серьезнаго, сосредоточенно задумчиваго лица... А дымка проносилась и снова надвигалась на чистый дѣвическій лобъ... И все-таки Она не прижимала Сына къ Себѣ, не старалась защитить отъ будущаго... И лицо Ея свѣтилось благоговѣніемъ къ Его подвигу... А когда свершится подвигъ, когда онъ свершится, Ея сердце разорвется отъ материнской муки и изойдетъ кровью. И Она знала это...

Вечеромъ я сидѣлъ на Брюлевской террасѣ. На душѣ

было такъ, какъ будто въ жизни случилось что-то очень важное и особенное... Я сидѣлъ, и вдругъ какая-то свѣтлая, поднимающая душу радость охватила меня,—радость... за человѣчество... И пускай въ мертвомъ туманѣ слышатся только робкія всхлипыванія и слова упрека,—есть Она тамъ... и, пока Она есть, жить на свѣтѣ весело и почетно. И мнѣ, невѣрующему, хотѣлось молиться Ей»...

Вечеромъ авторъ шелъ мимо зданія, гдѣ находится Сикстинская Мадонна, и ему стало странно: «неужели и въ той комнатѣ (гдѣ она находится) можетъ быть темно, неужели Ея лицо не свѣтится?»

Этимъ кончается отрывокъ. Конечно, интеллигентъ не поддался этому благому впечатлѣнію и остался при прежнихъ своихъ убѣжденіяхъ, но знаменательно все-таки то, какое сильное впечатлѣніе производитъ священная живопись даже на невѣрующихъ людей—впечатлѣніе, котораго они не могутъ и не стараются скрыть, хотя и передаютъ его съ своей точки зрѣнія.

Въ разсказѣ г. Брилліантова «Въ дальнемъ пути» старикъ-священникъ разсказываетъ въ вагонѣ желѣзной дороги случайному сосѣду о нѣкоторыхъ обычаяхъ и порядкахъ, существовавшихъ въ духовенствѣ въ недавнее еще время, да и теперь еще отчасти существующихъ.

«Дѣдъ мой—разсказываетъ батюшка—былъ пономаремъ въ селѣ Спасъ Заулки, принадлежавшемъ когда-то старинному барскому роду, и, кромѣ пономарства, велъ у господъ письменную ихъ часть, зачто и получалъ, сверхъ установленной помѣщичьей руги, мѣшокъ гороху, гречневой крупы и два пуда ржаной муки. Все это, вмѣстѣ съ доходами отъ требъ и благодаря крайне простому обиходу, давало возможность кое-что прикопить, такъ что дѣдъ впослѣдствіи времени выдалъ одну изъ своихъ пяти дочерей, именно мою матушку, за дьякона въ Москву... А это рублей двѣсти со свадьбой то коли не больше... И меня, разумѣется, выслали къ дѣдушкѣ въ деревню.

— Какъ же это? перваго-то ребенка да вонъ изъ дома!

— И ничего тутъ удивительнаго нѣтъ, такъ изстари велось у всего (?) духовенства... Сестеръ у каждой матери было вдоволь; вотъ этимъ тетенькамъ, пока онѣ сидѣли въ дѣвушкахъ, и поручалось выращиваніе ребятъ, своей крови, подъ надзоромъ бабушекъ...

— Такъ! Воображаю ихъ удовольствіе!

— Ну, тогда объ удовольствіи думали меньше... Хотя, къ слову сказать, дѣло это не легкое, и моя тетушка, древняя старушка, не безъ волненія и по сейчасъ вспоминаетъ объ этой родовой повинности. «И-и, Господи! какъ вы намъ надоѣдали: только выходишь одного, глядь— въ обмѣнъ ужъ высылаютъ другого... Я же была самая младшая, такъ лѣтъ съ двѣнадцати пришлось служить своему роду-племени. Что еще, бывало взять-то съ меня? Самой поиграть хочется, а тутъ за вами гляди!.. Оттерпѣлась за баловство ваше, стала терпѣть за ученье!.. Охрипнешь совсѣмъ иной разъ, читавши съ вами по складамъ, да подъ титлами, да на всю вѣдь комнату орешь: «ангелъ—ангельскій, архангелъ—архангельскій». Да всего-то теперь уже и не вспомнишь...

— Да за какія же такія блага столько мученья!

— Не за благо, сударь мой, а за жизнь! Мы послѣ ея дѣтей поднимали на ноги, а какъ состарилась, да овдовѣла, такъ въ чередъ ее содержимъ и за удовольствіе этотъ долгъ пріемлемъ... У насъ и дюжина была не страшна, потому что всѣ были связаны какъ порукой, кустами разрастались по матушкѣ сырой землѣ... Отъ того самаго никто и не боялся, что дѣтей много или, молъ, въ тягость они!.. Ну, умрешь—такъ, значитъ, Богу угодно, а сиротъ, сколько бы ни осталось—все равно. Мальчишекъ на казну всѣхъ даромъ возьмутъ, а дѣвицамъ владыка мѣста давалъ, которой въ домъ, на отцово мѣсто, иную, постарше, въ просвирни опредѣлитъ, глядишь—всѣхъ по угламъ и разсуютъ!.. А главная вещь—всякій при своемъ дѣлѣ состоялъ и свою родовую лямку тянулъ любовно и честно... Росъ

я у дѣдушки почти до самаго поступленія въ духовное училище,—самъ онъ и готовилъ меня, умнѣющій старикъ былъ!

— Отчего же онъ пономаремъ только былъ?

— А опять оттого же!.. Перешелъ онъ въ ‹риторику› однимъ изъ первыхъ, и присылаетъ за нимъ предъ Рождествомъ о. ректоръ.—‹Бородинскій,—говоритъ,—пріими благолѣпный видъ; заутра неотложно поѣдемъ ко владыкѣ›. Зачѣмъ, для чего—конечно, не сказалъ, потому большіе объ маленькихъ тогда думали, и маленькіе о томъ большихъ не спрашивали. На другой день, часовъ въ одиннадцать пріѣхали они на подворье, ко владыкѣ; передомъ вошелъ о. ректоръ, а за нимъ дѣдушка. Вошли; дѣдушка, по обычаю, въ ноги, принялъ благословеніе, а затѣмъ владыка и началъ:

— Не огорчайся, сынъ мой, вѣстію тяжкою! Nescia mens hominі sortis futura (человѣческому уму неизвѣстно будущее): отецъ твой, пономарь Прохоръ, теперь тамъ, идѣже нѣсть ни болѣзнь, ни печаль. — Дѣдушка заплакалъ.—А тебѣ ревѣть не очемъ,—продолжалъ владыка,—кольми паче Прохоръ, какъ доноситъ благочинный, былъ подверженъ пьянственной слабости... Семья послѣ него осталась безъ призора и питанія, а посему тебя, какъ старшаго, я и благословляю на его мѣсто... Корми мать и расти сиротъ, жениться повремени, послужи прежде родителямъ, памятуя, что и твоихъ дѣтей родъ вынесетъ на плечахъ своихъ: только въ родѣ родовъ сохраняется сѣмя сильнымъ, а одинъ въ полѣ не воинъ!.. Да сказывалъ мнѣ ректоръ, что ты въ наукахъ преуспѣвалъ, это похвально; сдѣлаю тебя черезъ годъ ‹стихарнымъ›, а тамъ дослужишься и до ‹діакона на пономарской вакансіи›... Поклонился дѣдушка вдругорядь, и изъ ‹риторики› поѣхали прямо въ Заулки.

— Однако!.. А если вашъ дѣдушка хотѣлъ продолжать учиться?

— Что онъ сдѣлалъ, сударь мой—выше науки!.. Шесть

душъ принялъ на себя и за каждую могъ отвѣтъ дать на старости лѣтъ, не краснѣя»...

Далѣе батюшка разсказываетъ своему спутнику, какъ они изъ училища путешествовали домой на вакацію.

— «У насъ, бывало, останется недѣля до роспуска на вакацію, и начнемъ копить ржаный хлѣбъ на дорогу; пѣшкомъ вѣдь идти, лошади-то заняты, только за богатыми присылали подводу, да и то со случаемъ. Кончатся экзамены, пропоемъ молебенъ и пойдемъ прощаться къ смотрителю, а онъ позоветъ эконома да и скажетъ:

— Отецъ, дай-ка ребятамъ сухариковъ, путь-дорога дальняя, отощаютъ; вонъ Предтеченскому съ Беневоленскимъ 62 версты идти!—А Капустинъ, мой сосѣдъ, бѣдовый такой былъ, высунулся впередъ и говоритъ:

— Очень жестко, о. смотритель!—Ничего, зубы-то моложе тебя, чего на нихъ глядѣть-то, который тебѣ годъ?—Четырнадцатый. — А зубамъ-то и тринадцати нѣтъ, грызутъ да грызутъ.—Вотъ и пойдемъ ватажками»...

Интересенъ также разсказъ батюшки о томъ, какъ прежде семинаристы поступали въ университетъ.

— «Возьмемъ, къ примѣру, университетъ. Ну, слыханное ли дѣло, чтобы въ тѣ времена семинарскій троечникъ туда попалъ!.. Боже сохрани!.. Науки — Сіонъ, храмъ свѣтозарный!.. Да онъ и во снѣ-то не смѣлъ о немъ грезить!..» А бывало такъ... «перейдутъ» философы на второй годъ [1]); предъ Великимъ постомъ владыка и вызоветъ ректора-то со списками на допросъ:

— Ну, что, пастырь, каковы нынѣшній годъ «овцы твоя?»

— Да ничего, владыка святый!.. Человѣкъ восемь съ голосами хорошими, чтецы истовые, въ пѣснопѣніи искусные, но, грѣхъ таить,—къ наукѣ туги и Слово Божіе не вяжется.

---

[1]) До семинарскаго устава 1869 года курсъ духовныхъ семинарій распадался на три: риторику, философію и богословіе. Каждый курсъ былъ двухлѣтній.

— Богъ съ ними, не насѣдай, а пришли ихъ ко мнѣ постомъ на подворье; я ихъ послушаю, таковые для благолѣпія служенія потребны; кому что дано, то отъ него и спросится!.. А другіе каковы?

— Трое взысканы отъ Господа разумомъ, въ Писаніи тверды и обычаемъ скромны.

— Готовь въ Академію, а остальныхъ разошлемъ на малыя должности, въ чаяніи повышенія.

— Есть, владыко святый, еще одинъ, да неудобь сказаемъ.

— Маловѣренъ что ли?

— Не то чтобы очень, но умомъ быстръ, памятью крѣпокъ, а злорѣчивъ и тянетъ вонъ изъ вертограда.

— Мало проку въ умѣ быстромъ, если онъ невѣренъ: «умъ сіяющій лишь свѣтитъ, а сверкающій—слѣпитъ»... Поработай съ нимъ келейно,—«difficile est spatium juventae transire» (съ трудомъ переживаются лѣта юности)... Дай тему на разсужденіе, ну, хотя на вопросъ: «Sedes animi по восточному ученію и западному суесловію». Да предоставь источники греческіе, латинскіе и нѣмецкіе въ подлинникахъ, а потомъ и пришли его ко мнѣ вмѣстѣ съ разсужденіемъ; я и поразмыслю о пути его.

— Не ввести бы въ соблазнъ темнотою положенія: вѣруяй паче утвердится, сомнѣваяйся же отмятется.

— Не бойся, «tenta caput in tenebris» (искушай голову впотьмахъ); не во тьмѣ ли ходяй свѣта ищетъ; еще моя покойная матушка говаривала: оттого слѣпой и плачетъ, что зги не видитъ.

Прочитаетъ владыка разсужденіе, а потомъ вопросами-то и вывернетъ всего парня на изнанку,—что, молъ, онъ такое: «блаженъ мужъ» или «вскую шаташася», — да по оказательству и поступитъ: либо на все лѣто упрячетъ въ строгій монастырь на послушаніе, либо возложитъ руки и благословитъ идти въ университетъ... Вотъ какъ выходили студенты, за которыхъ ни отцамъ, ни сословію не приходилось бояться или краснѣть! А троечникъ-то си-

дѣлъ въ своей закутѣ, славословилъ и тащилъ свою долю родоваго ярма»...

Забота о сиротахъ и призрѣніе сиротъ всегда составляли отличительную особенность духовнаго сословія. Только благодаря этому не погибаютъ и выходятъ въ люди многочисленные сироты духовенства, остающіяся по смерти своихъ отцовъ почти всегда безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Августа 28 дня 1903 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

Из Собр. Фонда
БИБЛИОТЕКИ СССР
им. В. И. ЛЕНИНА